

IV. Спарта и Аѳины въ VI в. до Р. X.

Еще до великаго столкновѣнія греческаго міра съ персами Спарта и Аѳины были крупнѣйшими общинами Греціи. Ихъ сила и сравнительно большіе размѣры—результатъ ранняго и удачнаго объединенія. Но въ каждой изъ нихъ объединеніе носить особыя черты; и съ самаго начала Спарта и Аѳины очень непохожи другъ на друга.

Пелопоннескія области. Спарта лежитъ среди группы военно-аристократическихъ общинъ. Въ Пелопоннесѣ вообще мало торговыхъ городовъ, и они расположены все на краю, въ сѣверо-восточной части полуострова, поблизости Истма или на самомъ перешейкѣ, какъ Коринѳъ. Все остальное—области земледѣльческія и скотоводческія, съ бытомъ весьма примитивнымъ. Лишь двѣ изъ нихъ, Ахайя и Аркадія, обѣ раздробленныя и слабыя, имѣли мелковладѣльческое свободное населеніе. Самыя зажиточныя, наиболѣе плотно населенныя области, Лаконія, Мессенія, Аргосъ, Элида, представляли сенъеріально-крѣпостныя общины; небольшой составъ привилегированныхъ воителей владѣлъ лучшей землей и располагалъ барщиной многочисленнаго безправнаго крестьянства: въ Лаконіи и Мессеніи крѣпостные назывались гелотами (*ἑλωτες*), въ Аргосѣ—гимнетами. Еще одна общая черта сближаетъ названныя области, занимающія вмѣстѣ около $\frac{2}{3}$ Пелопоннеса: гражданство въ собственномъ смыслѣ составлялось лишь изъ привилегированныхъ владѣльцевъ, которые въ Аргосѣ и Спартѣ были сосредоточены въ главномъ городѣ (въ Спартѣ они даже назывались *ἀστοί*, т.-е. горожане). Рядомъ съ гражданствомъ существуетъ довольно обширный классъ «обывателей» (въ Лаконіи они называются *περίοικοι*, въ другихъ областяхъ—*σύνοικοι*), свободныхъ людей, по занятію сельскихъ хозяевъ и ремесленниковъ, которые притягиваются къ военной службѣ; но не имѣютъ участія въ политической жизни.

Источники исторіи Спарты. При анализѣ историческихъ извѣстій о спартагской старинѣ необходима крайняя осторожность въ отношеніи

романтической литературы, которая работала, начиная съ IV вѣка, и отчасти дошла до насъ непосредственно въ видѣ произведеній Ксенофонта (434—359 г. до Р. X.) и Платона (428—347 до Р. X.), отчасти собрана въ біографіи Ликурга, составленной Плутархомъ (45—127 послѣ Р. X.). Въ этихъ сочиненіяхъ мы знакомимся не столько съ различными описаніями лаконскихъ порядковъ, сколько съ чаяніями и программами, бродившими въ публицистикѣ эпохи упадка Греціи. Литераторы смѣло переносятъ теоріи наилучшаго общественнаго строя и проекты реформъ въ видѣ идеальныхъ картинъ на глубокую древность и связываютъ ихъ осуществленіе съ личностью Ликурга, предполагаемаго создателя спартанскаго государства.

Ученики Сократа, Платонъ и Ксенофонтъ, восхваляли Спарту потому, что въ ея старинѣ думали найти соціально-этический рай человечества. Оба они увлекались теоріей выработки чистой высокой расы людей; средствами къ созданію расовой аристократіи они считали какъ физическій подборъ, такъ и общую постановку воспитанія. Имъ казалось, что именно въ спартанскихъ учрежденіяхъ заложена мудрая соціальная гигиена и педагогія, глубокой же просвѣтительный разумъ, проникающій эти здоровыя формы, восходитъ къ организаторской дѣятельности Ликурга. Въ идеализаціи Спарты принимала также участіе коммунистическая школа, своеобразно соприкасавшаяся съ проектами военныхъ реформаторовъ, которые выступали въ самой Спартѣ. Вниманіе тѣхъ и другихъ, утопистовъ и военныхъ, привлекали факты образованія въ Спартѣ къ 400 году большихъ латифундій, находившихся въ рукахъ капиталистовъ, и обезземеленія массы среднихъ и мелкихъ владѣльцевъ, составлявшихъ раньше зерно военной силы Спарты. Сторонники аграрнаго равенства и военные реформаторы одинаково были готовы отобрать земли у представителей плутократіи и нарѣзать изъ нихъ надѣлы. Между проектами тѣхъ и другихъ имѣлось различіе; утописты желали надѣленія на основахъ полнаго равенства; по мнѣнію военныхъ, слѣдовало сообразовать размѣры участковъ съ видами оружія и тяжестью службы, а потому расположить ихъ въ градациіи привилегированныхъ и обыкновенныхъ леновъ. Плутархъ, всегда добросовѣстный въ собираніи свѣдѣній, сообщилъ въ біографіи Ликурга точныя цифры надѣловъ, согласно тѣмъ и другимъ проектамъ. У него выходитъ, что великій законодатель разрѣшилъ соціальный вопросъ, раздѣливъ всю территорію Спарты на 9000 лучшихъ надѣловъ для спартиатовъ и 30.000 среднихъ надѣловъ для періоиковъ¹. Историкъ поступить всего осторожнѣе, если будетъ исходить отъ извѣстій V вѣка, имѣющихся у Геродота и Фукидида, во-первыхъ, потому, что у нихъ самыя старинныя свѣдѣнія о странѣ, во-вторыхъ,

потому, что эти наблюдатели застали еще архаичную Спарту, не успѣвшую превратиться въ плутократію подъ вліяніемъ персидскаго золота.

Бытовые черты старинной Спарты. Для писателя V вѣка о Спартѣ мало есть, что рассказать. «Количественная сила спартанцевъ была неизвѣстна, говоритъ Фукидидъ ², благодаря тайнѣ ея политики». Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь все было окружено секретомъ; не существовало публичныхъ дебатовъ; община относилась необычайно недовѣрчиво къ постороннимъ, что выражалось въ обычай высылки иностранцевъ (*ξενυλασία*), практиковавшейся по временамъ; надо прибавить низкій культурный уровень спартанскаго общества и отсутствіе мѣстныхъ публицистовъ, которые могли бы сообщить свои наблюденія.

Во времена Геродота организаторомъ существующаго спартанскаго порядка (*κόσμος*) считался Ликурзь, «выдающаяся личность», но самъ не царь, а лишь опекунъ одного изъ малолѣтнихъ царей. Отъ Ликурга идетъ прославленное благоустройство (*εὖνομία*) Спарты. Геродотъ сообщаетъ двѣ версіи происхожденія законовъ Ликурга: по одной онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ божественнаго внушенія, чуть ли не вдохновляемый непосредственно Писіей, по другой, распространенной у самихъ спартанцевъ, Ликурзь заимствуетъ строй изъ Крита ³. Когда жилъ Ликурзь и давно ли существуетъ прочное устройство общины, представлялось Геродоту неяснымъ, но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, онъ не былъ склоненъ особенно далеко возводить въ старину моментъ благотворной реформы. Болѣе увѣренно говорить о древности спартанскаго устройства Фукидидъ, не упоминая, однако, ни о какомъ инициаторѣ: по его словамъ, Спарта не измѣняла своихъ порядковъ въ теченіе 400 лѣтъ, т.-е. онъ возводитъ спартанское устройство къ IX вѣку ⁴. Фукидидовская цифра, круглая и слишкомъ значительная, вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Намъ нѣтъ, однако, нужды проверять ее. Достаточно того, что спартанскій строй представлялся постороннимъ наблюдателямъ очень стариннымъ и консервативнымъ. Фукидидъ считаетъ, что учрежденія и обычаи Спарты имѣли по преимуществу старомодный обликъ ⁵. Геродотъ подробно описываетъ тѣ устарѣлости, которыми поражала современная ему Спарта ⁶. Въ ихъ числѣ онъ изображаетъ патріархальную обстановку власти басилеевъ, передаетъ, какіе они получали подарки, взносы натурой, каковы были исполняемыя на нихъ повинности. Нѣкоторые обычаи, напримѣръ, шумныя изъясненія траура по умершему басилею, кажутся ему чѣмъ-то дикарскимъ, и Геродотъ вспоминаетъ извѣстные ему аналогичные обряды азіатскихъ варваровъ. Вниманіе Геродота останавливаетъ еще одна черта, которая кажется ему опять-таки не греческой, и аналогію ей онъ отыскиваетъ въ Египтѣ. Это—наслѣдственность профессій, или,

иначе говоря, кастичность общественных слоевъ. Хотя сравненіе съ Египтомъ выбрано не вполне удачно, но мысль Геродота легко понять; его поразила неподвижность общественныхъ отношеній въ Спартѣ, рѣзкія преграды, поставленныя между классами.

Характеристика Геродота вполне понятна, если принять во вниманіе его увлеченіе демократическими нравами аѳинской республики, гдѣ общественныя различія легко сглаживались и стирались. Отъ того же противоположенія Спарты и Аѳинъ исходитъ консервативный авторъ анонимной брошюры объ аѳинскомъ строѣ, приписанной Ксенофонту, но въ дѣйствительности вышедшей около 425 года. Враждебный аѳинскому своеволю вообще, онъ указываетъ на ту свободу, которою пользуются рабы въ Аѳинахъ, на ихъ хорошіе заработки, на то, что ихъ трудно отличить отъ гражданъ низшихъ классовъ и что они не боятся господъ. «Совѣмъ другое дѣло въ Лакедемонѣ, тамъ всѣ рабы, какъ классъ, чувствуютъ страхъ передъ господами»⁷. Аѳинскій аристократъ втайнѣ завидуетъ спартанской соціальной іерархіи.

Рядомъ съ указаніемъ на отсталость общественнаго и политическаго строя Спарты есть свѣдѣнія о новаторской роли, которую она сыграла въ различныхъ областяхъ быта. Фукидидъ говоритъ, что спартанцы первые отказались отъ длинной роскошной старинной одежды, сближавшей грековъ съ азіатами и предрасполагавшей къ изнѣженности; они ввели костюмъ болѣе простой и гигиеничный, и вмѣстѣ съ тѣмъ выработали формы здороваго гимнастическаго воспитанія; появленіе новаго чисто-греческаго стиля жизни составляетъ ихъ заслугу⁸. Какъ примирить эти нѣсколько противорѣчивыя на видъ черты характера спартанской общественности?

Военно-землевладѣльческій классъ въ Спартѣ. Спартанскій строй былъ дѣломъ опредѣленнаго замкнутаго класса, который ко времени Геродота и Фукидида сталъ приходить въ упадокъ. Господа (*δеспόται*) выводили себя отъ завоевателей дорянъ, когда-то пришедшихъ съ сѣвера и подчинившихъ себѣ туземное населеніе, большая часть котораго стала крѣпостными (*οἰκέται*). Вѣроятно, дорійскія дружины составляли большую силу, если имъ удалось занять не только долину Эвроты, но, вскорѣ также, отдѣленную отъ нея хребтомъ Тайгетомъ равнину Мессеніи,—двѣ лучшія области Пелопоннеса. Потомки пришлыхъ героическихъ воителей считались всѣ товарищами, равными другъ другу (*ἕμοιοι*). Въ свое время они получили хорошіе надѣлы, и владѣніе землей считалось непремѣннымъ условіемъ для того, чтобы удержаться въ составѣ людей благороднаго званія. Отсюда забота о сохраненіи стариннаго права, въ силу котораго господскіе клеры могли переходить только по наслѣдству; всякаго рода покупка, дареніе земли

и вѣроятно также отдача въ залогъ имѣнія рѣшительно исключались. Это запрещеніе мобилизаціи земли продержалось до самаго конца V вѣка, и лишь послѣ Пелопоннеской войны законъ Эпитадея допустилъ свободный переходъ земли; въ сущности, законъ этотъ только оформилъ то, что уже происходило фактически, но именно его запоздалость показываетъ, что пришлось разрушать какой-то закоренѣлый предразсудокъ, связанный съ бытомъ благороднаго сословія.

Въ Лаконіи не развилось коневодства и не было хорошей конницы, поэтому спартанскихъ господъ было бы неумѣстно называть рыцарями. Всадники составляли только небольшую почетную группу въ средѣ гражданства. Остальная масса благороднаго воинства образовала первую въ Греціи, далеко оставлявшую за собой ополченія всѣхъ другихъ общинъ фалангу гоплитовъ, тяжело вооруженныхъ пѣхотинцевъ. Ихъ можно было бы назвать общегреческимъ терминомъ геоморовъ, при чемъ только не слѣдуетъ забывать растяжимость понятія «землевладѣльцевъ». Если въ Атикѣ геоморы приближались къ типу крестьянъ, то въ Лаконіи и Мессеніи, завоеванной спартапцами, къ нимъ скорѣе подошло бы обозначеніе землевладѣльцевъ-помѣщиковъ.

Главная масса завоевателей сѣла лагеремъ въ центрѣ Лаконіи, въ четырехъ деревняхъ, которыя и составляли Спарту, отсюда названіе благородныхъ «спартиатовъ». Воители такъ специализировались въ пѣхотной тактикѣ, что нѣкоторыя другія отрасли военнаго дѣла у нихъ развиты были слабо. Такъ, напр., они никогда не отличались большимъ умѣньемъ строить укрѣпленія, и Спарта оставалась за все время своей исторіи безъ окруженія стѣною. Но чрезвычайно большое вниманіе было отведено заготовкѣ оружія и поддержанію большого арсенала. Спарту можно считать классическимъ мѣстомъ желѣзнаго производства въ Греціи, и на обилии, на хорошемъ качествѣ примѣнявшагося спартапцами желѣза опиралось въ значительной мѣрѣ ихъ военное превосходство. Основу желѣзныхъ запасовъ въ Спартѣ давали мѣстные рудники; но, кромѣ того, находясь во главѣ Пелопоннескаго союза, Спарта требовала отъ своихъ вассаловъ и союзниковъ поставокъ желѣза. Мы знаемъ, что въ 413 году, собираясь въ рѣшительный походъ на покореніе Аѳинъ, спартапцы выписали со всего Пелопоннеса усиленный подвозъ желѣзныхъ орудій⁹.

Въ связи съ этимъ преобладаніемъ желѣза въ поставкахъ на центральную общину находится установленіе желѣзныхъ денегъ (можетъ быть, въ видѣ прутьевъ, δβελοί). Впослѣдствіи въ Греціи смѣялись надъ неуклюжей системой денегъ, для перевоза которыхъ въ небольшой суммѣ 10 мнѣ нужна была телѣга и парная упряжь, а романтики придумали даже легенду, будто Ликургъ изгналъ золото и серебро

и ввелъ счетъ на желѣзо, для того, чтобы истребить роскошь ¹⁰. Надо полагать, что смѣшныя въ глазахъ позднѣйшихъ литераторовъ тельги исполняли очень реальную роль въ поставкахъ, а грузъ въ 10 мингъ цѣною отвѣчалъ нормальному вѣсу, который былъ установленъ властями для провѣрки поставщиковъ.

Большое военное товарищество «равныхъ» выработало въ своей средѣ нравы и привычки, сохраненіе которыхъ считалось дѣломъ чести для всѣхъ людей благороднаго званія. Напр., хорошій тонъ въ Спартѣ требовалъ пренебреженія къ семьѣ и домашней жизни. Свои посѣщенія жены спартаецъ старался скрывать; мужчины обѣдали преимущественно за публичными столами, усаживаясь группами сотрапезниковъ (*συσκήνια*). Спартаецъ заботился о приданіи себѣ мужественнаго вида, и во времена Ксенофонта господствующая мода требовала ношенія длинныхъ волосъ и красныхъ рубашекъ. Какъ у дворянъ всѣхъ временъ, у спартацевъ была развита большая драчливость: то и дѣло происходили дуэли и притомъ безъ всякихъ формальностей, часто при первой же встрѣчѣ на дорогѣ ¹¹.

Политическое устройство Спарты. Политикой спартацкое общество благородныхъ интересовалось мало, поэтому государственное устройство его оставалось весьма первобытнымъ. Въ Спартѣ сохранилась гомеровская власть наслѣдственныхъ басилеевъ; генеалогическую линію обѣихъ правящихъ династій возводили къ герою-полубогу Гераклу. Цари рѣшали важнѣйшія дѣла вмѣстѣ съ совѣтомъ старцевъ (*γερουσία*), и притомъ настоящихъ, не номинальныхъ только стариковъ. Старинный гомеровскій видъ сохранила и общая сходка воиновъ (*ἀπέλλα*). Собраніе спартацевъ не знало правильныхъ дебатовъ, и рѣшенія принимались безъ опредѣленнаго голосованія, криками общаго сочувствія или неодобренія. «Они рѣшаютъ возгласами, а не подачей камешковъ», замѣчаетъ Фукидидъ ¹², сравнивая беспорядочность сходки въ Спартѣ съ точнымъ подсчетомъ партійныхъ мнѣній въ Афинахъ.

Единственной переменной въ Спартѣ противъ старинныхъ гомеровскихъ порядковъ можно считать учрежденіе должности 5 эфоровъ, ежегодно избираемыхъ собраніемъ спартиатовъ. Когда и по какому поводу возникъ эфоратъ, намъ судить трудно. Но характеръ учрежденія опредѣленно вырисовывается на основаніи практики V вѣка. Больше всего бросается въ глаза руководство эфоровъ въ дѣлахъ иностранной политики; къ нимъ обращаются посольства, они обсуждаютъ предложенія союза съ другими государствами; не входя въ стратегію главныхъ военныхъ начальниковъ, царей, они, однако, даютъ имъ общія инструкціи, какъ дѣйствовать. Когда въ 479 году Мардоній стоялъ въ Средней Греціи и грозилъ новымъ опустошеніемъ Аттики,

пелопоннесцы работали усиленно надъ укрѣпленіемъ Истма и, повидимому, собирались предоставить Среднюю Грецію собственной участи. Аѳиняне, мегаряне и платейцы отправляютъ посольство въ Спарту съ просьбой о немедленной помощи, въ противномъ случаѣ они должны будутъ предаться персамъ. Послы обращаются къ эфорамъ и съ ними одними имѣютъ дѣло. Послѣ долгаго колебанія эфоры соглашаются на просьбу и даютъ приказъ на выступленіе пелопоннескаго ополченія¹³. Въ той же роли мы видимъ эфоровъ нѣсколько разъ въ теченіе Пелопоннеской войны въ концѣ того же вѣка. Фукидидъ передаетъ весьма любопытный документъ, договоръ между персами и спартанцами 412 г. относительно совмѣстныхъ дѣйствій противъ аѳинянъ. Документъ начинается словами: «Въ тринадцатомъ году царствованія Дарія, въ эфоратъ Алексиппида въ Лакедемонѣ, былъ заключенъ на равнинѣ Мэандра договоръ (ξύθηξις) между лакедемонянами и ихъ союзниками, съ одной стороны, и Тиссаферномъ, Гераменомъ и сыномъ Фарнака, съ другой, касательно интересовъ царя и лакедемонянъ съ ихъ союзниками»¹⁴... Здѣсь не названы спартанскіе базили; имя эфора поставлено рядомъ съ именемъ великаго царя персидскаго; можетъ быть, даже мы имѣемъ право заключить изъ этого текста, что между пятью эфорами былъ одинъ главный, эпонимъ, который и давалъ имя году, какъ въ Аѳинахъ первый архонтъ.

Вообще эфоры болѣе авторитетны, чѣмъ базили. Ихъ роль, главнымъ образомъ, состоитъ въ контролѣ наслѣдственныхъ царей; они какъ бы стражи противъ злоупотребленій и покушеній на тираннію со стороны базилеевъ. Когда передъ началомъ іонійскаго возстанія, въ Спартѣ появился богатый самосецъ Мэандрій, завелъ дружбу съ царемъ Клеоменомъ и пытался ослѣпить его своими запасами золота и серебра, царь испугался, какъ бы его не стали обвинять въ измѣнѣ, и первымъ дѣломъ донесъ о поведеніи Мэандрія эфорамъ, а тѣ уже рѣшили выслать подозрительнаго иностранца¹⁵. Въ знаменитомъ дѣлѣ царя Павсанія, героя освободительной войны, обвиненнаго потомъ въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ персами, эфоры выступаютъ очень опредѣленно и рѣшительно: они посылаютъ въ Азію, гдѣ командовалъ Павсаній, агента съ твердой инструкціей доставить царя въ Спарту. Когда Павсаній, избѣгая ареста, поспѣшилъ добровольно вернуться домой, эфоры тѣмъ не менѣе заключили его въ тюрьму. Эта мѣра не представляла ничего исключительнаго и не была превышеніемъ власти эфоровъ; Фукидидъ опредѣленно прибавляетъ: «эфоры въ правѣ такъ обращаться съ царями»¹⁶.

Иногда эфоратъ называли демократическимъ учрежденіемъ Спарты. Едва ли подобная терминологія удачна; подъ демосомъ пришлось

бы тогда разумѣть небольшую группу привилегированныхъ. Можно признать это опредѣленіе правильнымъ только въ томъ смыслѣ, что тѣсная военная община, сосредоточенная въ Спартѣ и носившая гордое имя «равныхъ», дѣйствительно сумѣла организовать въ качествѣ могущественной корпораціи, и что именно въ лицѣ эфоровъ она выдвинула форму непрерывнаго контроля надъ главными командирами. Въ этомъ направленіи спартанское воинство продолжало дѣйствовать и впослѣдствіи. Когда во время перерыва Пелопоннесской войны, при столкновеніи Спарты съ союзниками на самомъ полуостровѣ въ 418 году, царь Агисъ сталъ проявлять слишкомъ большую самостоятельность, его связали наблюденіемъ комиссіи 10, которая должна была при немъ состоять во всѣхъ его походахъ и предпріятіяхъ ¹⁷.

Отъ строенія и нравовъ демократіи военная корпорація «равныхъ» была далека. По словамъ Фукидида, спартанское войско состоитъ изъ начальниковъ надъ начальниками (*ἀρχοντες ἀρχόντων*) ¹⁸, т.-е. онъ хочетъ сказать, что среди спартанцевъ сильно развито іерархическое начало. Фукидидъ передаетъ по поводу того же похода 418 года любопытныя черты быта спартанцевъ. Передъ битвой они распѣваютъ воинственныя пѣсни, чтобы поднять общее настроеніе; рѣчей, которыя такъ любили остальные греки, у нихъ не полагается. Аргивяне идутъ на спартанцевъ быстрымъ шагомъ, наступаютъ горячо (*δρῦν*). Совершенно иначе ведутъ себя спартанцы. Они подвигаются медленно, подъ музыку большого оркестра флейтистовъ, сопровождающаго войско въ походѣ; это дѣлается не ради соблюденія религіознаго обычая, а для того, чтобы войско маршировало равномерно въ тактъ (*μετὰ ῥυθμοῦ*), и чтобы строй не разрывался, какъ это постоянно бываетъ съ большими корпусами при наступленіи. Все, что передано у Фукидида о тактикѣ спартанцевъ, показываетъ въ нихъ признанныхъ мастеровъ военного дѣла. Интересно еще замѣчаніе о завершеніи битвы: спартанцы разбили врага, но, несмотря на то, что они сражались съ величайшимъ упорствомъ, они сдерживаются и не бросаются въ преслѣдованіе ¹⁹.

Внѣшняя политика Спарты. Всѣ наблюдатели сходятся въ томъ, что политика Спарты отличалась устойчивостью, медлительностью и негибкостью. На чемъ же она держалась и какимъ образомъ пришли спартанцы къ организаціи самаго большого въ Греціи союза?

Старинныя надѣлы спартанскихъ воителей лежали сплошной полосой, называвшейся *πολιτικὴ χώρα*, землей гражданства, по долигѣ Еврота. Это было владѣніе прочное; спартанцы были тутъ же близко сосредоточены какъ бы въ одномъ лагерѣ; опасаться возстанія крѣпостныхъ подъ самой Спартой не было оснований. Въ иномъ положеніи были помѣстья болѣе новаго происхожденія, образовавшіяся изъ надѣловъ

въ завоеванной Мессени. Здѣсь у господъ не имѣлось цитадели, съ высоты которой они могли бы господствовать надъ страной. Напротивъ, крѣпостные, пользуясь абсентеизмомъ владѣльцевъ, имѣли возможность организовать и воспользоваться почти неприступной естественной крѣпостью Иоомы, близко къ границѣ трудно проходимой Аркадіи. Отсюда крайне опасныя для самага существованія Спарты *мессенскія войны*, т.-е. возстанія туземныхъ гелотовъ, воинственныхъ и неукротимыхъ.

Пожалуй, можно сказать, что вся внѣшняя и внутренняя политика Спарты опредѣляется, прежде всего, необходимостью охранять мессенскія владѣнія. Задача эта была особенно трудна, если принять во вниманіе количественныя отношенія между классами въ спартанскомъ государствѣ. Статистическія вычисленія вообще имѣютъ очень слабыя основы въ матеріалѣ античной исторіи, а уже о Спартѣ съ ея политическими секретамъ и говорить нечего. Одинъ изъ изслѣдователей предлагаетъ слѣдующій приблизительный расчетъ²⁰. По даннымъ Геродота, спартанское ополченіе, выступившее противъ персовъ въ 479 году, состояло изъ 5000 спартанцевъ, 5000 періойковъ и 35.000 гелотовъ. Получающееся здѣсь отношеніе 1:1:7 нельзя принять за вполнѣ точное отраженіе дѣйствительной пропорціи классовъ въ спартанскомъ государствѣ, но отчасти можно имъ руководиться. Что касается періойковъ, то къ нимъ господствующій классъ относился съ довѣріемъ и усиленно притягивалъ обывателей къ военной службѣ: въ такую критическую минуту, какой было время нашествія персовъ, взяли изъ спартанцевъ и изъ періойковъ одинаково максимумъ возможнаго, а, слѣд., мы въ правѣ считать, что цифры ополченцевъ того и другого класса соответствуютъ общему ихъ составу; иначе говоря, приблизительно количество періойковъ было равно въ началѣ V вѣка количеству спартанцевъ. Иначе приходится разсуждать относительно количества гелотовъ. Господа Спарты лишь съ опаской давали имъ оружіе въ руки, а вооружать очень значительныя массы не рѣшались. Слѣд., отношеніе 1:7 между ополченскими цифрами слишкомъ мало, меньше чѣмъ дѣйствительное отношеніе между господами и крѣпостными; его по крайней мѣрѣ надо перемѣнить на 1:10. Тогда мы получили бы 1:1:10, или всего двѣнадцать долей, двѣ на свободное и десять на крѣпостное населеніе. При такомъ народномъ составѣ Лакедемона спартанцамъ было рискованно пускаться въ наступательныя войны, особенно совершать далекіе походы. У спартанскихъ политиковъ сложилось въ этомъ отношеніи какое-то суевѣрное предубѣжденіе. Геродотъ рассказываетъ, что Аристагоръ Милетскій почти совѣмъ склонилъ царя Клеомена въ пользу іонійцевъ, замышлявшихъ возстаніе противъ персовъ. Но

какъ только онъ неосторожно обмолвился, что азіатской экспедиціи предстоитъ три мѣсяца пути, Клеомень вскочилъ съ мѣста и немедленно прекратилъ разговоръ: «гость изъ Милета, я требую, чтобы ты покинулъ Спарту до захода солнца, такъ какъ ты сдѣлалъ совершенно неприемлемое для лакедемонянъ предложеніе—отойти на три мѣсяца отъ моря»²¹.

Послѣ покоренія Мессеніи спартацямъ не удается сдѣлать значительныя завоеванія въ Пелопоннесѣ; въ упорныхъ войнахъ съ Аркадіей и Аргосомъ, они прибавляютъ лишь небольшія территоріи къ своимъ владѣніямъ. Спарта переходитъ къ иного рода политикѣ, она начинаетъ заключать съ сосѣдями принудительные военные союзы.

Отношенія Спарты къ другимъ пелопоннесскимъ общинамъ. Прежде всего, такой образъ дѣйствій сталъ необходимъ по отношенію къ Аркадіи. Единственное спасеніе Спарты противъ этой здоровенной расы людей состояло въ томъ, что Аркадія, страна разобщенныхъ котловинъ и разорванныхъ потоковъ, не могла придти къ объединенію; ея маленькіе кантоны непрерывно ссорились между собой за выгоны, то запирали одинъ другому воду, то, напротивъ, затопляли сосѣдскую территорію. Спартѣ оставалось только мѣшать аркадскому синоикизму, поощрять усобицы, и въ особенности поддерживать вражду между двумя сильнѣйшими аркадскими общинами, Тегеей и Мантинеей. Объединенная Аркадія была бы гибелью для Спарты. Напротивъ, изъ союза съ разобщенными аркадскими кантонами Спарта могла извлечь большую выгоду. Она ставила горнымъ областямъ требованіе высылать вспомогательные отряды и получала изъ аркадскихъ деревень съ ихъ дюжими скотоводами чуть ли не лучшихъ въ Греціи солдатъ. Господствовать надъ Аркадіей и поддерживать ея раздробленіе было крайне необходимо для Спарты еще потому, что черезъ Аркадію проходила одна изъ двухъ дорогъ, соединявшихъ Спарту съ Истмомъ.

Другая изъ этихъ дорогъ проходила черезъ Аргось. Такъ какъ Арголида примыкаетъ непосредственно къ Истму, то въ сущности Аргось господствовалъ надъ концами обоихъ путей, идущихъ изъ глубины полуострова и сходящихся на перешейкѣ. Положеніе Спарты было здѣсь еще труднѣе. Аргось представлялъ сильный объединенный кантонъ такого же типа, какова была сама Спарта. На покореніе Аргоса у Спарты уже не хватало силъ; но не было возможности и мирно размежеваться двумъ главнымъ крѣпостнымъ общинамъ Пелопоннеса.

Спарта старалась изолировать Аргось со стороны восточнаго моря; она приняла въ свой союзъ приморскіе города восточной Арголиды, Эпидавръ, Трѣзенъ, Герміону, позднѣе втянула и торговую Эгину. Съ другой стороны, Спарта пошла навстрѣчу аристократіямъ Сикіона, Ко-

риноа и Мегары въ ихъ борьбѣ съ тиранніей; всюду она являлась на защиту возвращавшихся эмигрантовъ и для поддержанія реставраціи. Въ результатѣ эти богатые, цвѣтушія общины, располагавшія широкими торговыми связями, также вошли въ союзъ со Спартой. Благодаря такой политикѣ, Спарта получила противобѣсъ Аргосу за его спиной и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечила себѣ выходы изъ Пелопоннеса. Последнее обстоятельство имѣло большое значеніе въ виду экономическихъ особенностей Пелопоннеса; вѣроятно, уже довольно рано его населеніе стало нуждаться въ привозномъ хлѣбѣ; а такъ какъ во всей южной и западной части полуострова гаваней нѣтъ, то ввозъ въ Аркадію, Лаконію и Мессенію могъ идти только черезъ города Истма; слѣд., дружба съ торговыми общинами была для Спарты вопросомъ пропитанія. Такимъ образомъ, враждѣ съ Аргосомъ Спарта обязана была заключеніемъ союза съ кантонами, по своимъ интересамъ и устройству крайне непохожими на крѣпостныя общины Пелопоннеса. Ладить вмѣстѣ военной корпораціи съ мореходными купеческими республиками было очень трудно. Союзъ съ Коринѳомъ и Мегарой имѣлъ для Спарты еще другое неудобство: торговые города Истма лежали на порогѣ Средней Греціи и замѣшаны были въ различные комбинаціи и конфликты, посторонніе Пелопоннесу; Спарта, слѣдуя за своими новыми союзниками, должна была поневолѣ втянуться въ эти чуждыя ей дѣла.

Иначе сложились отношенія Спарты къ Элидѣ, западной окраинѣ Пелопоннеса. Элида стоитъ въ сторонѣ отъ бойкихъ большихъ дорогъ. Положеніе господствующей группы въ этой странѣ, элейцевъ, было похоже на условія, въ которыхъ находились сами спартанцы. Непосредственно элейцамъ принадлежало лишь около $\frac{1}{3}$ территоріи; остальные $\frac{2}{3}$ были заняты общинами періойковъ, и среди нихъ находилось святое мѣсто, Олимпія, гдѣ происходили столь популярныя во всей Греціи празднества. Быть господь-элейцевъ опирался на землевладѣніе и работу крѣпостныхъ, какъ въ Лакедемонѣ; отъ періойковъ требовалась военная подмога и по временамъ денежные взносы. Элейцы никогда не могли, однако, вполне подчинить себѣ періойковъ, потому что жили разбѣянно по деревнямъ и помѣстьямъ плодородной долины «глубокой Элиды», не имѣя центра, подобнаго Спартѣ. Синоикизмъ, впрочемъ, довольно вялый, произошелъ лишь послѣ греко-персидскихъ войнъ въ 471 году; тогда впервые возникъ городъ Элида. Подъ вліяніемъ этихъ условій консерватизмъ элейцевъ соединялся съ извѣстнаго рода общественной малоподвижностью. Элида считалась чуть ли не самой отсталой страной Греціи. Еще къ III вѣку до Р. Х. Полибій отмѣчаетъ фактъ для него поразительный: нѣкоторые элейцы такъ лю-

бять деревенскую жизнь, что бываютъ семьи, и притомъ зажиточныя, гдѣ два или три поколѣнія никогда не посѣщали народного собранія. Полибій объясняетъ эту сельскую замкнутость тѣмъ, что руководители политики въ Элидѣ позаботились о доставкѣ въ деревни всего необходимаго, и, между прочимъ, объ устройствѣ судебныхъ разбирательствъ на мѣстахъ, чтобы не пужно было вовсе ѣздить въ городъ ²². Это—факты, правда, поздняго времени, но по нимъ можно судить о томъ, что такое Элида представляла раньше.

Элида была настоящей страной рыцарства, зажиточныхъ коневодовъ, сохранившихъ для себя старинное земельвладѣльческое право: извѣстная часть земельного владѣнія считалась обеспеченной отъ обремененія долгами ²³. Въ довершеніе картины консерватизма Элиды можно прибавить, что область была полна часовенъ и святыхъ мѣсть. Элейцы очень неохотно пускались въ военныя предпріятія. Выходило такъ, что въ важныхъ случаяхъ элейцы непременно опаздывали: они пришли слишкомъ поздно въ 479 г. къ Платеямъ, когда уже дана была великая битва съ персами; не пришли они во-время и къ сраженію при Мантиней въ 418 году, когда половина Пелопоннеса соединилась противъ Спарты. Зато элейцы предпочитали, гдѣ возможно, купить территорію или получить хорошее отступное. Городъ Лепреонъ просилъ у элейцевъ помощи противъ аркадянъ и обѣщаль уступить половину своей территоріи; элейцы помогли, но вернули лепреатамъ землю подъ условіемъ уплаты ежегодной суммы въ пользу Зевса Олимпійскаго ²⁴.

Сближеніе Спарты съ Элидой объясняется своеобразнымъ сосѣдствомъ послѣдней съ Мессеніей, а также характеромъ элейскаго рыцарства. Зависимые отъ элейцевъ періойки могли оказать поддержку мессенскимъ гелотамъ; эта опасность заставила спартанцевъ подать руку политически вялымъ элейцамъ. За участіе элейцевъ въ союзѣ спартанская аристократія помогала имъ противъ періойковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивала и себѣ спокойствіе на границѣ. Спарта получила еще одну выгоду отъ союза: гарантируя элейцамъ руководящее положеніе на Олимпійскихъ играхъ, Спарта заняла сама видное мѣсто въ большомъ національномъ торжествѣ; она являлась главной покровительницей святыни. Впрочемъ, дружба Спарты съ Элидой не заходила очень далеко; и здѣсь, какъ въ Аркадіи, спартанцы держались принципа *divide et impera*: они не давали элейцамъ совѣтъ одолѣть періойковъ, напротивъ, держали ихъ въ видѣ нѣкотораго противовѣса господамъ.

Пелопоннесскій союзъ. Изъ описанныхъ отношеній сложился Пелопоннесскій союзъ, самое крупное соединеніе сухопутныхъ общинъ въ Греціи.

Внѣ союза остались: сѣверная полоса полуострова, Ахайя, страна скудная и бессильная по своей раздробленности, для Спарты не представлявшая интереса, и Аргось, злѣйшій врагъ Спарты. Союзъ состоялъ изъ самой Спарты, располагавшей непосредственно двумя южными областями, восточной Арголидой съ островомъ Эгиной, Элиды, сельскихъ общинъ Аркадіи и городовъ Коринѳа, Мегары, Сикіона и Фліунта. Аркадяне доставляли союзу «живую силу»; Коринѳъ и Элида были важны своими финансовыми средствами. Коринѳъ, Эгина, Сикіонъ ставили корабли. Союзъ не представлялъ общей взаимной связи интересовъ; Элида и Коринѳъ, напр., вовсе не были нужны другъ другу; между Аркадіей и Эгиной не было ничего общаго. Союзъ держался только тѣмъ, что каждый изъ членовъ нуждался по-своему въ поддержкѣ Спарты, а, въ свою очередь, Спарта была заинтересована въ помощи каждаго изъ нихъ въ отдѣльности; но сближеніе ихъ между собою совсѣмъ не входило въ ея расчеты. Главнымъ правиломъ союзной политики Спарты было поддерживать болѣе слабыхъ противъ болѣе сильныхъ. Правило это выразилось и въ устройствѣ союза. Характерной особенностью конгресса союзныхъ общинъ Пелопоннеса Фукидидъ считаетъ равенство большихъ и малыхъ общинъ въ подачѣ голосовъ (*ισόψηφοι*).²⁵ На видъ обезпеченіе голоса каждому мелкому члену могло казаться либеральной конституціонной формой; въ дѣйствительности это былъ пріемъ, посредствомъ котораго Спарта раздробляла оппозицію и создавала выгодныя для себя группировки.

Къ половинѣ VI вѣка Пелопоннесскій союзъ представлялъ большую силу. Крезъ, царь лидійскій, обращается передъ столкновеніемъ своимъ съ персами къ Спартѣ, потому что она «глава Греціи» (*προστάνατι τῆς Ἑλλάδος*)²⁶. Вступленіе Мегары въ союзъ пелопоннесцевъ открыло Спартѣ свободный путь въ Среднюю Грецію. Среднегреческіе города, Платей, Оивы и др., начинаютъ обращаться въ своихъ спорахъ къ посредничеству Спарты; аѳинская аристократія выпрашиваетъ у Спарты помощь противъ тиранновъ, а вслѣдъ за ихъ низверженіемъ — противъ демократіи.

Недостовѣрность аѳинской исторіи VII—VI вѣковъ. При изученіи греческой исторіи VI вѣка бросается въ глаза обиліе свѣдѣній объ Аѳинахъ сравнительно съ фактами жизни другихъ общинъ. Такое богатство извѣстій сначала вызываетъ мысль о томъ, что аѳиняне стали рано заботиться о сохраненіи данныхъ для своей исторіи, и благодаря этому оставили обширную традицію послѣдующимъ поколѣніямъ. Въ дѣйствительности, подлиннаго матеріала, записей, одновременныхъ событіямъ VI вѣка, въ Аѳинахъ не было вовсе. Въ этомъ отношеніи Фукидидъ не оставляетъ въ насъ никакихъ сомнѣній.

Мы уже имѣли дѣло съ его Археологіей. Въ смыслѣ исторической композиціи этотъ очеркъ военно-экономическихъ и культурно-политическихъ отношеній—нѣчто единственное въ своемъ родѣ въ исторической наукѣ грековъ. Передъ нами тонкая работа соціологическаго характера, стройно связанная общими идеями, проникнутая основнымъ матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ историка. Въ глазахъ Фукидида исторія—арена столкновения реальныхъ интересовъ и организованныхъ силъ; распредѣленіе богатствъ—главный двигатель въ предпріятіяхъ и взаимной борьбѣ общественныхъ группъ. Отъ характера экономическихъ отношеній зависятъ размѣры племенныхъ и политическихъ союзовъ, ихъ военное устройство и формы управления. Движеніе хозяйственной жизни и есть основной исторической фактъ; моменты парастанія богатства составляютъ ступени политическаго развитія. Въ ранней стадіи народъ раздробленъ на мелкія общины, разобщенныя, бѣдныя и замкнутыя. Въ послѣдующіе вѣка, когда начинается скопляться капиталъ, образуются крупныя союзы, общины-государства, развивается обмѣнъ, осѣдность и прочное пользованіе имуществомъ. Въ ряду богатѣющихъ морскихъ общинъ нескоро появляются Аѳины; первымъ великимъ по богатству и предпріимчивости городомъ Фукидидъ считаетъ Коринѳъ. О раннихъ судьбахъ Атики онъ дѣлаетъ только одно замѣчаніе: среди всѣхъ грековъ, очень безпокойныхъ, десять разъ перемѣнившихъ мѣста жизни, аѳиняне единственно осѣдлый народъ; скудость ихъ земли никогда не привлекала грабителей и завоевателей, зато въ Атику бѣжали изъ другихъ странъ переселенцы, чтобы найти безопасность; отсюда получилось переполненіе области народомъ, и тогда она стала отправлять колонистовъ въ Іонію.

На чемъ построено изображеніе Фукидида? Онъ не пользовался ни лѣтописями, ни законодательными документами, ни мемуарами, современными событіямъ. Фукидидъ не упоминаетъ объ этомъ матеріалѣ, хотя мы можемъ представить себѣ, какъ важны были бы для него такіе источники. Онъ не считаетъ возможнымъ говорить въ частностяхъ ни объ Аѳинахъ, ни о другихъ общинахъ за тѣ вѣка, которые предшествуютъ греко-персидскимъ войнамъ. Его картина старины представляетъ лишь общія очертанія, и онъ составилъ ее самостоятельно, частью по даннымъ археологическимъ и этнографическимъ, по культурнымъ остаткамъ и переживаніямъ, частью по деталямъ преданій и поэтическихъ разсказовъ, которымъ онъ даетъ рационалистическое толкованіе. Но къ существу преданій, къ устной традиціи вообще Фукидидъ относится весьма сурово. Традицію, которая въ ходу у грековъ, онъ считаетъ очень спутанной и противорѣчивой даже для такой сравнительно близкой эпохи, какъ конецъ VI вѣка, время паденія Писистратидовъ. Фукидидъ

приводить примѣры противорѣчій и недоразумѣній и жалуется на легковѣрность тѣхъ, кто безъ критики принимаетъ устные рассказы о происшествіяхъ старины. Онъ рѣзко отзывается о публикѣ, которая вѣритъ, во-первыхъ, поэтамъ, раскрасившимъ и преувеличившимъ событія, во-вторыхъ, логографамъ, «представившимъ прошлое въ формѣ болѣе пріятной для уха, чѣмъ близкой къ правдѣ, вѣлѣдствіе чего приходится слышать о вещахъ бездоказательныхъ и вырастающихъ въ баснословные размѣры». Очень вѣроятно, что послѣдними словами Фукидидъ хотѣлъ задѣть своего близкаго предшественника Геродота, который такъ обильно воспользовался преданіями и новеллами.

Въ этомъ отказѣ отъ всего, что не завѣрено точнымъ документомъ, что заключаетъ въ себѣ придатокъ легендарный, обнаруживается нѣсколько односторонній скептицизмъ Фукидида, убѣжденнаго послѣдователя софистической школы. Онъ пренебрежительно относится къ народной поэзіи, къ мифу, къ тому, что мы бы назвали религіозными древностями; въ качествѣ рационалиста онъ готовъ видѣть въ нихъ суевѣріе массы или намѣренный вымыселъ рассказчика. Какъ всѣ рационалисты, Фукидидъ непослѣдователенъ: выкидывая элементъ чудеснаго изъ старинныхъ сказаній, онъ удерживаетъ ихъ остовъ и переводитъ содержаніе на прозаическій языкъ. Эти недостатки исторической манеры Фукидида, однако, не мѣшаютъ намъ оцѣнить важность его общаго мнѣнія объ отсутствіи прочной документальной основы для возсозданія политической исторіи прошлаго; напротивъ, именно въ виду отношенія Фукидида къ источникамъ, мы увѣрены, что связанная, послѣдовательная лѣтопись, одновременная событіямъ, имѣла бы въ его глазахъ особенно важное значеніе.

Начало изслѣдованія исторіи Аттики. Если послѣ Фукидида мы возьмемъ историческое изложеніе первой части Аѣнской Политіи Аристотеля (383—322 до Р. X.), мы поразимся обстоятельностью фактической картины и увѣренностью сужденій относительно той самой эпохи, которая Фукидиду казалась такой сомнительной и неясной. У Аристотеля есть подробныя описанія двухъ конституцій, драконтовекой и солоновской, есть характеристика партій эпохи около 600 г., изображеніе соціальной политики Писистратидовъ, сужденія о степени прочности и о тенденціяхъ стариннаго политическаго законодательства. Въ Аѣнской Политіи страннымъ образомъ событія и внутреннее развитіе Аѣнскія отъ 625 до 500 года рассказаны гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ болѣе близкій къ автору пятый вѣкъ (500—400 гг.). Откуда эти подробности въ изображеніи аѣнской исторіи VII—VI вѣковъ у автора, писавшаго восемьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Фукидида?

Не трудно замѣтить, что обстоятельная характеристика учрежденій и работы великихъ законодателей старины составляетъ результатъ ученой конструкціи весьма поздняго времени, начавшейся приблизительно съ середины IV вѣка. Мы почти можемъ установить моментъ, когда начались усиленные разысканія историковъ и юристовъ относительно древнихъ судебъ и старинныхъ установленій Аѳинъ. Въ 50-хъ годахъ IV вѣка вышла небольшая статья Исократъ (436—338), подъ заглавіемъ Ареопагитикъ; это патріотическое воззваніе, въ которомъ старый почти 80-лѣтній публицистъ горячо рекомендуетъ своимъ согражданамъ старинную, очень непохожую на современность, «истинную» демократію, авторомъ которой онъ считаетъ Солона. Исократу очень хочется объяснить, что такое правильная демократія, и въ чемъ величіе ея создателя. Но, къ своему сожалѣнію, онъ ничего не знаетъ о Солонѣ и даже хуже того, онъ не можетъ отличить его дѣло отъ Клисѣенова. Обѣ эти личности стоятъ въ какомъ-то метафизическомъ туманѣ: Солонъ учредилъ демократію, Клисѣенъ, изгнавшій тиранновъ, возродилъ чуть ли не погибшее дѣло перваго творца демократической конституціи. Въ довершеніе курьеза оказывается, что главнымъ колесомъ истинно-демократическаго устройства былъ Ареопагъ; слѣд., Исократъ готовъ считать Солона установителемъ авторитета Ареопага.

Повидимому, во время составленія Ареопагитика работы по изученію аѳинской старины подвинулись недалеко. Кажется, именно въ теченіе небольшого періода, отдѣляющаго Ареопагитикъ отъ Аѳинской Политіи Аристотеля (а она относится приблизительно къ 330 году), были сдѣланы тѣ историческія изслѣдованія аѳинскихъ ученыхъ, которыя добросовѣстно воспроизвелъ знаменитый греческій энциклопедистъ. Мы еще видимъ у него приемы конструкціи и доказательства, которыя примѣнялись историками того времени; мы чувствуемъ всю ихъ шаткость и ясно замѣчаемъ отсутствіе документальнаго матеріала, который бы восходилъ къ VI вѣку. Изслѣдователи эпохи Аристотеля не могли прибавить ничего достовѣрнаго къ составу фактовъ, извѣстныхъ Фукидиду, а въ смыслѣ знанія реальныхъ древностей и переживаній они, разумѣется, далеко уступали Фукидиду.

Но если мы не можемъ послѣдовать за аѳинскими историками въ ихъ приемахъ и выводахъ, зато мы вполне раздѣлимъ ихъ интересъ къ вопросамъ о первыхъ шагахъ той общины, которая стала потомъ крупнѣйшей державой греческаго міра, соединивши въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ лучшій цвѣтъ политическаго и культурнаго генія Эллады. Намъ въ высокой мѣрѣ любопытно выяснить, что дала аѳинская старина для подготовки позднѣйшаго блестящаго вѣка; намъ хотѣлось бы понять, изъ какихъ же условій выросла эта сила, какъ разработа-

лись строй и культура Аѳинъ, почему этотъ городъ обогналъ другія общины, равныя ему или даже превосходившія его раньше.

Сельское и приморское населеніе Аттики. Съ самаго начала нашего собственнаго изслѣдованія мы должны отмѣтить важную характерную черту аѳинской общины, отличающую ее отъ всѣхъ другихъ. Есть въ Греціи рядъ сухопутныхъ общинъ, сравнительно большихъ и богатыхъ сельской территоріей, но чуждыхъ морю; таковы Спарта, Элида, Беотія; есть подвижные торговые города безъ значительной полевой или садовой земли, какъ, напр., Коринѳъ, Милетъ, Эгина. Въ томъ и другомъ рядѣ выступаетъ односторонне или синойкизмъ деревень, или сильное торгово-колониальное развитіе. Аттика—единственный примѣръ большой общины сложнаго типа, въ которомъ совмѣстились обѣ противоположности: тѣсный союзъ крестьянскихъ поселковъ и энергичное движеніе за море; на этомъ соединеніи основывается ея сила.

Сельская Аттика, повидимому, старше, чѣмъ морская. О ея старинномъ характерѣ лучше всего говорятъ ея праздники, образующіе два большіе цикла. Одинъ изъ нихъ составляютъ Апатуріи, Плинтѳрии и Панаѳиней, приходящіяся на три лѣтніе мѣсяца. Праздники эти посвящены Аѳинѣ и связаннымъ съ ней божествамъ и героямъ, особенно ея пріемному сыну Эрихѳонію (хлѣбному колосу). Аѳина, небесная дѣва, рожденная Зевсомъ (грозой), и ея служанки (росы) покровительствуютъ земледѣлію; всѣ относящіяся сюда мифы, всѣ символическія дѣйствія и предметы культа вращаются въ кругу посѣва, возвращенія и уборки хлѣба. Второй большой циклъ праздниковъ связанъ съ Діонисомъ, т.-е. винодѣліемъ. Сюда относятся Малыя Діонисіи, праздникъ сбора винограда; Ленэи, праздникъ прессованія винограда, Анаестеріи, праздникъ пробы вина—всѣ три приходившіеся осенью; наконецъ, Большія Діонисіи, блестящій знаменитый весенній праздникъ, сопровождавшійся театральными представленіями. Всѣ эти чисто-сельскія торжества въ широкихъ размѣрахъ развертывались въ Аѳинахъ и занимали все гражданство еще и въ позднюю пору, когда городъ сталъ столицей морской державы: Аѳины какъ бы превращались въ большую праздную деревню. Слѣдуетъ прибавить, что, кромѣ того, также на территоріи Аттики въ Элевсинѣ утвердились знаменитыя мистеріи вокругъ культа Деметры и Коры, земледѣльческихъ божествъ.

Выдавшаяся въ море, окруженная предприимчивыми пиратами и колонизаторами, Аттика долго сохраняла замкнутый деревенскій характеръ. Но крестьяне не дали себя покорить никому изъ пришлыхъ воителей: легенда рассказываетъ, что Аттика была единственной страной, которая не пропустила дорійскихъ завоевателей, и что ея царь Кодръ погибъ героической смертью, защищая противъ грознаго воинства свою

родину. У жителей Аттики былъ еще одинъ предметъ гордости: они устроили среди всѣхъ греческихъ племенъ самый старинный и самый дружный синойкизмъ (см. выше, стр. 94). Дѣйствительно, въ Греціи нельзя найти объединенія, которое бы совершилось въ болѣе широкихъ размѣрахъ и въ то же время при соблюденіи наибольшаго равенства между членами объединеннаго союза общинъ. Равномѣрный и обширный синойкизмъ Аттики объясняется ея крайне опаснымъ положеніемъ на большомъ и единственномъ проходномъ пути черезъ Грецію; странѣ надо было оберегаться отъ нападений съ двухъ противоположныхъ сторонъ, съ сѣверо-запада и съ юго-запада. Разрозненное сопротивление мелкихъ общинъ было бы бессильно противъ вѣшняго врага, и Атикѣ пришлось бы, можетъ быть, испытать судьбу Аркадіи, стать въ зависимость отъ болѣе сильнаго сосѣда и сдѣлаться для него военнымъ рынкомъ, поставщикомъ наемниковъ. Поэтому синойкизмъ Аттики, безъ сомнѣнія, имѣлъ главной цѣлью соединить военные отряды отдѣльныхъ общинъ въ большое общее ополченіе подъ начальствомъ аѳинскаго полемарха. Впоследствии мы не разъ встрѣчаемся съ аѳинскими гоплитами, лучшимъ ополченіемъ въ Греціи послѣ спартанскаго. Оно одерживаетъ знаменитую побѣду при Марафонѣ въ первомъ крупномъ столкновеніи грековъ съ персами. Оно нѣсколько разъ отъ Клеомена до Перикла одолеваетъ очень хорошее въ свою очередь ополченіе Беотіи, и только въ тяжелую эпоху Пелопоннесской войны, когда деревенская Атика переживала глубокой гибельный для нея кризисъ, аѳинскіе гоплиты уступили беотійцамъ въ сраженіи при Деліи (424 г.). Поэтому, далѣе, синойкизмъ Аттики вовсе не означалъ возвышенія города Аѳинъ надъ областью; онъ только создавалъ въ акрополѣ цитадель и опорный пунктъ для командованія ополченіемъ.

Хотя старинный синойкизмъ Аттики и былъ объединеніемъ деревень, но фактически и прежде всего онъ привелъ къ усиленію аристократіи. Тѣ семьи, которыя вмѣстѣ съ образованіемъ одной общей думы выстроили себѣ дома въ городѣ и большую часть года проводили въ центрѣ, стали выдѣляться какъ особый классъ наилучше поставленныхъ людей; въ старинной греческой литературѣ *ἀστοί*, горожане, — значить лица привилегированнаго положенія; такъ Теогнидъ мегарскій называетъ свою ровню, людей благороднаго происхожденія; такъ Геродотъ называетъ господствующій классъ въ Спартѣ. Мы можемъ поэтому вполне повѣрить традиціи, утверждающей, что въ Аѳинахъ въ теченіе долгаго времени все правленіе было въ рукахъ эвпатридовъ, т. е. аристократіи, сосредоточенной въ центрѣ.

Однако среди общаго колонизаціоннаго подъема Атика не могла оставаться въ своемъ изолированномъ положеніи. Довольно рано въ

ней началось промышленное развитие и въ связи съ этимъ тяготѣніе къ морю. Сосѣднія съ нею общины на перешейкѣ и на ближнихъ островахъ, Коринѣъ, Мегара, Эгина, Халкида и Эретрія, правда, обогнали Аттику въ торговомъ дѣлѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и втянули ее въ морскія предпріятія. Трудно сказать, когда изъ Аттики начали вывозить глиняную посуду, которою она такъ славилась; но разъ мы знаемъ, что въ VI вѣкѣ аѳинскія вазы были въ большомъ ходу и притомъ не только въ самой Греціи, но также на Кипрѣ и въ Этруріи, несомнѣнно, вывозъ уже существовалъ въ VII вѣкѣ. Торговать въ то время значило воевать съ конкурентами. Можетъ быть, уже въ VII вѣкѣ у Аѳинъ былъ военный флотъ; по крайней мѣрѣ, на старинныхъ вазахъ, относящихся къ этому времени, изображены корабли и морскія сраженія. Въ моментъ заговора Килона (въ 30-хъ или 20-хъ годахъ VII вѣка) главная власть въ Аѳинахъ, по словамъ Геродота, принадлежала пританамъ навкраровъ²⁷; повидимому, навкраріи, на которыя тогда дѣлилась Аттика,— «корабельные округа», т.-е. группы населенія, между которыми была распределѣна повинность по поставкѣ судовъ. Около 600 года Аѳины уже принимаютъ участіе въ борьбѣ за обладаніе проливами, ведущими къ Понту, и стараются пріобрѣсти себѣ здѣсь опорный пунктъ. Они завладѣли Сигеемъ на выдавшемся мысу Малой Азіи у входа въ Геллеспонтъ, недалеко отъ Трои. Сигей сдѣлался первой аѳинской колоніей, въ качествѣ форта, который долженъ былъ служить для обезпеченія сношеній съ отдаленнымъ рынкомъ. Владѣніе подобнаго рода затягивало въ свою очередь въ соперничество съ другими мореходными общинами, и Аѳинамъ пришлось отстаивать Сигей противъ Митилены.

Завязывая морскія сношенія, Аттика попала въ сферу большихъ соперничествъ, раздѣлявшихъ Грецію. Близко къ ней на югѣ расположена была торговая Эгина, и Аттика приняла сначала эгинскую монетную систему, связавшую ее съ Пелопоннесомъ и дорійскимъ міромъ. Но также близко на сѣверѣ прилегали къ Аттикѣ общины острова Эвбеи, составлявшія край большого іонійскаго пояса, который протянулся черезъ середину Эгейскаго моря. Сношенія съ іонійской группой стали скоро перетягивать, и при Солонѣ перевѣсъ іонизма выразился въ замѣнѣ эгинской монеты эвбейской. Въ самой Аттикѣ образовались двѣ дѣятельныя партіи: 1) *παράλιοι*, береговые, соединяли мореходовъ съ деміургами и 2) *οἱ τοῦ πεδίου*, равнинные, т.-е. земледѣльцы южной Аттики. Третья группа населенія Аттики, *ὑπεράκριοι* (или *διᾶκριοι*), горцы, т.-е. винодѣлы сѣверной холмистой области, держались сначала въ сторонѣ, и если вѣрить Геродоту²⁸, выступили лишь при Писистратѣ.

Борьба партій и тираннія. Торговья соперничества, захватившія въ свой кругъ Атику, столкновенія крестьянства и мореходовъ—все это внесло разладъ въ среду правящихъ аристократическихъ родовъ. Нѣкоторыя честолюбивыя семьи, принимая на себя популярную роль, пытаются стать во главѣ той или другой изъ вновь сложившихся народныхъ партій и захватить верховную власть. Первымъ аѳинскимъ тиранномъ традиція называетъ Килона, блестящаго аристократа, побѣдителя на Олимпійскихъ играхъ (можетъ быть, въ 30-хъ годахъ VII вѣка). Килонъ былъ родственникомъ Ѳеагена, тиранна сосѣдней Мегары. Мы встрѣчаемся здѣсь съ характерной чертой быта тиранновъ: они роняются между собой, заключаютъ династическіе союзы, поддерживаютъ взаимно другъ друга. Килонъ началъ съ того, что потомъ повторилъ тираннъ Писистратъ, съ попытки захватить аѳинскую цитадель. Но онъ потерпѣлъ неудачу: архонтъ Мегаклъ, изъ рода Алкмеонидовъ, разсѣялъ отрядъ сторонниковъ Килона. Въ свою очередь побѣдители позволили себѣ крайнія жестокости, между прочимъ оскорбили боговъ, зарѣзавъ своихъ противниковъ у алтарей, куда тѣ пытались спастись. Тогда въ свою очередь политическая неудача постигла Алкмеонидовъ: они подверглись религіозному проклятію и были изгнаны съ территоріи Атики. Послѣ этого они въ теченіе ста лѣтъ составляютъ безпокойный элементъ политической борьбы, надвигающейся со стороны, пока въ концѣ VI вѣка Алкмеонидъ Клисеонъ не водворяется въ Аѳинахъ въ качествѣ крупнѣйшаго организатора аѳинской демократіи.

Начиная съ неудавшейся попытки Килона, въ Атикѣ идетъ упорная борьба партій. То одна, то другая выдвигаетъ своихъ вождей; по временамъ между ними достигается соглашеніе. Среди этой борьбы надо помѣстить составленіе двухъ законодательствъ, связанныхъ съ именами Драконта и Солона. Младшій родственникъ второго изъ законодателей, Писистратъ, водворяется потомъ въ Аѳинахъ въ качествѣ счастливаго тиранна; его старшій сынъ, Гиппій, изгнанный въ 510 году изъ Аѳинъ, уже вполне отчетливая историческая фигура: онъ—одинъ изъ совѣтчиковъ персидскаго царя въ большой экспедиціи, окончившейся Марафонской битвой.

Исторія аѳинской тиранніи въ позднѣйшемъ изображеніи. О Килонѣ, его противникѣ Мегаклѣ и другихъ Алкмеонидахъ, о Солонѣ и Писистратѣ есть нѣсколько свѣдѣній у Геродота. Они все анекдотичны и заимствованы изъ запаса новеллъ, къ которымъ этотъ историкъ чувствовалъ такое влеченіе и которыя такъ старательно собиралъ. Тутъ еще лишній разъ можно убѣдиться въ томъ, что аѳинское общество V вѣка не сохранило никакихъ свѣдѣній о политической роли предшественниковъ и основателей демократіи.

Зато историки IV вѣка расцвѣтили весь періодъ отъ Килона до изгнанія сыновей Писистрата (630—510 до Р. Х.) яркими подробностями и наполнили фактами государственно-правового развитія. Главная доля этой конструктивной исторіи, составленной изъ накопленія гипотезъ, принадлежитъ такъ наз. аттидографамъ, или составителямъ Ἀττιδογράφοι, историческихъ хроникъ Аттики. Оригинальныя ихъ произведенія, кромѣ незначительныхъ отрывковъ, до насъ не дошли, но часть матеріала Аттидъ изложена въ Ἀθηναίων πολιτεία, очеркѣ аѳинскаго конституціоннаго строя, составленномъ Аристотелемъ. Впослѣдствіи тѣмъ же матеріаломъ пользовался Плутархъ (45—127 гг. послѣ Р. Х.) въ одной изъ самыхъ интересныхъ своихъ біографій, именно въ жизнеописаніи Солона.

Имя Аристотеля, какъ ученаго, до сихъ поръ вызываетъ нѣкоторое суевѣрное преклоненіе. Когда въ 1891 г. среди папірусовъ, хранящихся въ Британскомъ музеѣ, открыли его Аѳинскую Политію, одинъ нѣмецкій филологъ заявилъ въ восторгѣ, что теперь мы видимъ всю аѳинскую старину какъ бы при свѣтѣ солнца. Мы нѣсколько необдуманно до сихъ поръ вводимъ все почти изложеніе Аристотеля и Плутарха въ наши школьныя пособія. Пора было бы, однако, разобраться въ значеніи авторитета Аристотеля и, главнымъ образомъ, въ отношеніи предѣловъ его научной компетенціи. Сравнительно близкій къ событіямъ, которыя приходится изображать, Аристотель чуждъ ихъ пониманія: иногда хочется сказать, что наивный Плутархъ, жившій въ эпоху общественнаго сна и политическихъ сумерекъ римской имперіи, проще и объективнѣе отнесся къ своему матеріалу, чѣмъ Аристотель, который подступалъ ко всему съ кабинетными категоріями, далекими отъ реальной жизни. Аристотелю мало помогло то обстоятельство, что онъ долгіе годы прожилъ въ аѳинской обстановкѣ. Только во второй части Аѳинской Политіи, гдѣ дано описаніе дѣйствующей конституціи, выгодно сказывается непосредственное знакомство автора съ Аѳинами. Но что касается первой части Политіи, гдѣ изложено развитіе аѳинскаго строя съ древнѣйшихъ временъ до возстановленія демократіи послѣ 30 тиранновъ, то здѣсь Аристотель обнаруживаетъ недостатокъ историческаго чутья. Онъ цѣликомъ зависитъ отъ тенденціи своихъ источниковъ.

Среди нихъ важное мѣсто занимала публицистика сторонниковъ реакціоннаго переворота 411 года, оставшаяся въ наслѣдіе IV вѣку. Реакціонеры старались связать съ именами Драконта и Солона свои идеи и программы; они представляли древнихъ реформаторовъ создателями желательнаго имъ «правильнаго» строя. Позднѣе, среди реставрированной аѳинской демократіи IV вѣка, сложились новыя консер-

вативныя теченія, которыя отразились и на обработкѣ исторіи Аѳинъ. На первое мѣсто въ политикѣ выдвинулись блюстители торговыхъ и денежныхъ интересовъ Аѳинъ: не нарушая демократическихъ традицій, они искусно управляли массой народа, значительно смирившагося сравнительно съ воинственнымъ демосомъ V вѣка; они старались отодвинуть въ тѣнь грандіозную и бурную эпоху державной демократіи и, напротивъ, возвеличить тихую, сдержанную общинную жизнь старины.

Если аттидографы, подчинявшіеся этимъ политическимъ направленіямъ, строили разныя догадки относительно старинной власти Ареопага, способа выбора должностныхъ лицъ за 200 лѣтъ до ихъ времени и т. д., то Аристотель ввелъ всѣ эти частности въ стройную систему и съ искусствомъ профессора государственнаго права изложилъ превращенія аѳинской конституціи въ академически отточенномъ видѣ. Онъ сосчиталъ, сколько разъ смѣнялась въ Аѳинахъ форма политическаго устройства, и въ своемъ историческомъ очеркѣ говоритъ увѣренно: «Драконтова конституція состояла въ слѣдующемъ». «Въ устройствѣ Солона отмѣтимъ такіе-то выдающіеся моменты», и т. д. Аристотель добросовѣстно сообщаетъ при этомъ: вотъ мнѣніе враговъ демократіи, а вотъ догадка ея защитниковъ; но онъ не задумывается надъ необходимостью провѣрить фактическую основу ихъ гипотезъ.

Соціальная реформа Солона по Аристотелю и Плутарху. Исторію Аѳинъ съ конца VII вѣка и до конца VI вѣка мы знаемъ только въ характеристикахъ Аристотеля и Плутарха. Долгое время ихъ картины считались точными описаніями событій и учрежденій и вмѣстѣ съ тѣмъ служили цѣлямъ историко-педагогическимъ. Въ особенности фигура Солона и дѣло, имъ совершонное, сдѣлались какимъ-то классическимъ мѣстомъ для иллюстраціи старинной греческой политической мудрости. Намъ необходимо въ главныхъ чертахъ воспроизвести это изложеніе для того, чтобы разобраться въ поздней греческой композиціи, закрывшей отъ насъ дѣйствительное положеніе вещей. Лишь по устраненіи цѣлаго ряда фикціи можно попытаться возстановить нѣкоторыя, хотя и не вполне ясныя реальныя очертанія исторіи аѳинской тиранніи.

По Аристотелю, въ Аѳинахъ чередуются эсиметы, т. е. мирные посредники, создатели компромиссовъ, законно правящіе въ силу уполномоченія отъ народа, и тиранны, т. е. узурпаторы, устанавлиющіе односторонне господство извѣстной партіи или фракціи. Эти дѣятели выдѣляются на фонѣ жестокой соціальной борьбы, въ которой рѣзко столкнулись богатые и бѣдные. Первымъ эсиметомъ съ цѣлью примиренія враждующихъ партій выступилъ въ Аѳинахъ Драконтъ. Читая Аѳинскую Политію Аристотеля, можно усомниться, тотъ ли самый это Драконтъ, съ именемъ котораго связаны уголовные законы;

въ очеркѣ конституціонной исторіи о Драконѣ упоминается только какъ о политическомъ законодателѣ. Главная черта Драконтовской конституціи, по Аристотелю, введеніе имущественнаго ценза: право участія въ политическихъ дѣлахъ было предоставлено тѣмъ, кто имѣлъ средства вооружаться на свой счетъ. Смыслъ этого нововведенія, по мнѣнію аѳинскихъ историковъ, очевидно, состоялъ въ томъ, чтобы вдвинуть между двумя крайностями въ политикѣ, между знатью и простонародьемъ, промежуточный слой, создать искусственно средній классъ.

Но смуты продолжались, такъ какъ социальный вопросъ не былъ рѣшенъ. Плутархъ рассказываетъ въ биографіи Солона: «въ то время (около 600 года) рѣзкое неравенство между бѣдными и богатыми дошло до высшей степени, и государство было совершенно расшатано кризисомъ. Весь народъ былъ въ долгу у богатыхъ. Одни работали на поляхъ крупныхъ владѣльцевъ и должны были отдавать шестую часть урожая, откуда ихъ названіе *ἐκτημόριοι* (шестидольники), или оеты; другіе, въ качествѣ неоплатныхъ должниковъ, шли въ кабалу къ кредиторамъ и служили рабами на родинѣ или были продаваемы на чужбину»²⁹. У Аристотеля тоже говорится о задолженности мелкаго люда, работавшаго на землѣ: гектеморы не въ силахъ были платить тѣ доли, при условіи отдачи которыхъ они арендовали землю, поэтому они обращались съ семьями своими въ кабальныхъ. Вслѣдствіе этого аграрный кризисъ привелъ къ концентраціи земли въ рукахъ немногихъ крупныхъ владѣтелей³⁰. Въ отвѣтъ поднялась революція. «Самые энергичные элементы въ средѣ недовольныхъ,—говорится у Плутарха,—составили многочисленный союзъ и уговорились устранить невыносимый порядокъ; съ этою цѣлью они рѣшили освободить должниковъ, произвести раздѣлъ земли и общій государственный переворотъ».

Спасителемъ общества и государства является Солонъ, котораго Аристотель называетъ еще особымъ терминомъ *διστάκτης*. О Солонѣ передавалось, что онъ происходилъ изъ древняго царскаго рода Медонтидовъ, когда-то правившаго въ Аѳинахъ, но былъ небогатъ и занимался торговлей. Это своеобразное срединное положеніе въ обществѣ (*μεσότης*) дѣлало его особенно пригоднымъ для роли посредника между враждующими классами и партіями. Выбранный архонтомъ и облеченный чрезвычайными полномочіями, Солонъ провелъ сначала социальный компромиссъ. Диктаторъ отклонилъ программу раздѣла земли между пролетаріями, но провелъ реформу долгового права, которая получила названіе *σεισάχθεια* (освобожденіе отъ бремени). Что такое сейсахеія и почему ее надо связывать съ Солономъ, изслѣдователи IV вѣка уже не могли объяснить. Можетъ быть, существовало какое-нибудь

темное преданіе о большомъ молебствіи народа, о великой очистительной жертвѣ, которую называли «освобожденіемъ». Историки аѳинскіе во всякомъ случаѣ хотѣли истолковать терминъ въ какомъ-нибудь матеріальномъ смыслѣ. Плутархъ приводитъ мнѣніе аттидографа Андротіона, который думалъ, что Солонъ не принялъ радикальной мѣры полной кассации долговъ, а только уменьшилъ долговыя суммы и вмѣстѣ съ тѣмъ провелъ монетную реформу. Впрочемъ, прибавляетъ Плутархъ, большинство все-таки считаетъ сисахоію за уничтоженіе всѣхъ долговыхъ обязательствъ ³¹. Историки ссылались также на слова самого Солона въ его элегіяхъ, гдѣ онъ говоритъ, что освободилъ кабальныхъ, выкупилъ проданныхъ въ рабство за границу и запретилъ впредь долговую кабалу; затѣмъ, что онъ «освободилъ землю отъ рабства», приказавши снять тяготѣвшія на ней каменные плиты (ῥροί).

Политическая реформа Солона по Аристотелю и Плутарху. Успокоивъ общество, облегчивъ тягости однихъ и сокративъ чрезмѣрныя притязанія другихъ, Солонъ принялся за политическое переустройство Аѳинъ. Онъ также считалъ нужнымъ внести начало имущественнаго ценза, какъ его предшественникъ Драконтъ, но развилъ общее политическое правило въ сложную систему. Солонъ раздѣлилъ все гражданство на четыре класса (τέλη) по оцѣнкѣ доходности (τίμημα) имуществъ. Цензъ первыхъ трехъ классовъ былъ опредѣленъ минимальнымъ доходомъ въ 500, 300 и 200 мѣръ (медимновъ и метретовъ) сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ. Этими классамъ (πενταχοσιμεδικοί, ἑπταίς, ζευγίται) было предоставлено право занятія должностей, при чемъ, какъ говоритъ Аристотель, Солонъ поставилъ въ точное соотвѣтствіе важность должности съ размѣромъ имущества. Цензъ послѣдняго класса (θῆτες) былъ опредѣленъ отрицательно; къ нему Солонъ отнесъ всѣхъ, кто имѣлъ доходъ ниже 200 мѣръ; масса ихъ была впервые притянута къ публичной дѣятельности въ народномъ собраніи и въ судахъ. Такимъ образомъ, активное избирательное право было сдѣлано всеобщимъ, а пассивное ограничено состоятельными классами и подраздѣлено на ступени ³².

Если вѣрить этому изображенію политической реформы, Солонъ былъ необыкновенно искуснымъ и оригинальнымъ воспитателемъ общественности. Поэтому при оцѣнкѣ дѣла, понимаемаго согласно картинамъ Аристотеля и Плутарха, новоевропейскіе историки не уставали говорить о разумной уступкѣ массамъ, объ удовлетвореніи честолюбія богатыхъ людей неаристократическаго происхожденія и о бережности по отношенію къ старымъ носителямъ власти. Ученые нашего времени пошли еще дальше Аристотеля въ придумываніи государственно-право-

выхъ категорій и окрестили Солоново распредѣленіе политическихъ правъ по градаціямъ имущественнаго ценза именемъ *тимократіи*.

Ни у Аристотеля, ни у Плутарха этого слова нѣтъ; новые историки заимствовали его у Платона, хотя здѣсь произошелъ курьезъ, кажется, никѣмъ до сихъ поръ не отмѣченный. У Платона *τιμοκρατία*, или *τιμαρχία*, вовсе не обозначеніе формы правленія, а ироническое прозвище испортившейся аристократіи, члены которой лѣзутъ къ должностямъ изъ чванства; «тимократическій молодчикъ», наслушавшись отъ матери жалобъ на то, что его отецъ сплеховалъ въ чинахъ, горитъ желаніемъ поправить семейный позоръ и т. п.³³ Платоновское насмѣшливое словечко получило, такимъ образомъ, у историковъ очень почетное мѣсто въ качествѣ имени для мудраго компромисса, устроеннаго великимъ законодателемъ.

Оба древніе автора, рассказывающіе подробно о Солонѣ, настаиваютъ на томъ, что онъ положилъ основы будущей демократіи. Аристотель выдѣляетъ слѣдующіе три демократическіе момента (*δημοτικώτατα*) въ законодательствѣ Солона: 1) запрещеніе рабства за долги, 2) предоставленіе права жаловаться въ судъ лицамъ, постороннимъ потерпѣвшему, т. е. свободу обвиненія взамѣнъ прежняго права родственной мести, и 3) апелляцію къ народу. «Послѣднее, какъ говорятъ, болѣе всего повело къ усилению массы, потому что, ставши верховнымъ судьей (*κύριος τῆς ψήφου*), народъ дѣлается неограниченнымъ властелиномъ въ государствѣ (*κύριος τῆς πολιτείας*)»³⁴. «Вещь, незначительная въ началѣ, говоритъ о томъ же самомъ Плутархъ, впоследствии приобрѣла огромную важность»³⁵.

Какъ ни прославляютъ древніе авторы, а за ними новоевропейскіе историки дѣло Солона, однако всѣ они должны признать, что борьба классовъ не была прекращена реформаторомъ. Приходится рассказывать, что послѣ мудрой и благожелательной диктатуры поднялись новыя смуты. Тутъ Аристотель вводитъ рассказъ Геродота о трехъ партіяхъ, педіеевъ, паралиевъ и діакріевъ, и ихъ вождяхъ, Ликургѣ, Мегаклѣ Алкмеонидѣ и Писистратѣ. Но совершенно неожиданно къ именамъ и названіямъ Геродота у Аристотеля подставлены новыя объясненія: педіеи оказываются партией олигархической, паралии—умѣренной, діакрии—радикально-демократической, состоящей изъ крестьянства и всякаго рода людей разоренныхъ, сбитыхъ со своего положенія. Достигнувъ власти при помощи бѣдности, Писистратъ не забываетъ потомъ своихъ союзниковъ: по словамъ Аристотеля, тиранъ доставлялъ крестьянамъ дешевый кредитъ и назначалъ судей по деревнямъ. Аристотель объясняетъ даже мотивы послѣдней мѣры; у Писистрата былъ двойной расчетъ: освободить крестьянъ отъ лишннихъ тратъ на про-

бѣды въ городъ, а, съ другой стороны, не давать имъ скопляться въ центрѣ и, слѣдов., удерживать разрозненный народъ въ повиновеніи ³⁶.

Выходитъ, что тиранъ, укрѣпляя свою личную и династическую власть, довершилъ великій социальный переворотъ. До Солона было общее задолжаніе и разореніе крестьянъ, и всѣ земли перешли въ руки немногихъ. Солонъ сдѣлалъ первый шагъ къ облегченію бѣдныхъ, уничтоживъ долги и запретивъ долговую кабалу. Писистратъ открылъ прямую поддержку мелкимъ землевладѣльцамъ; при немъ наступаетъ для крестьянства настоящее царство Крона (т.е. золотой вѣкъ).

Анализъ социальной картины Аристотеля и Плутарха. Къ сожалѣнію, надо сказать, что во всей интересной композиціи, переданной обоими писателями, нѣтъ почти ни одной достовѣрной черты; и—что хуже—изъ множества необоснованныхъ фантастическихъ деталей составляется картина, которая въ цѣломъ неправдоподобна и фальшива.

Что касается социально-хозяйственной характеристики Атики въ рассказахъ о Солонѣ и Писистратѣ, надо прежде всего имѣть въ виду, что свѣдѣнія о распредѣленіи земли, о положеніи сельскихъ рабочихъ или мелкихъ арендаторовъ, о программахъ партій и т. д. не опираются ни на лѣтописи, ни на хозяйственные документы, ни на воспоминанія современниковъ. Единственный свидѣтель, къ которому обращаются Аристотель и Плутархъ,—элегія Солона. Но заявленія, находящіяся въ нихъ, больше рисуютъ личность и настроеніе автора. Правда, въ нихъ упоминается объ освобожденіи земли и о снятіи съ нея, по распоряженію Солона, какихъ-то столбовъ или плитъ, *βροι*. Новѣйшіе историки находятъ, что это могли быть знаки запрета, положеннаго на землю несостоятельныхъ должниковъ. Но такое объясненіе плохо ладится съ социальной картиной, нарисованной Аристотелемъ. Вѣдь онъ говорилъ о бѣдственномъ положеніи половниковъ или мелкихъ арендаторовъ, которые были не въ состояніи уплачивать свои доли владѣльцамъ и потому становились кабальными. Если бы столбы, упоминаемые въ элегіяхъ, были закладными знаками, то они не могли стоять на участкахъ, занятыхъ половниками. Кому и зачѣмъ сталъ бы закладывать шестидольникъ свой участокъ? Какой былъ смыслъ крупному владѣльцу допускать запретъ на участки, съ которыхъ онъ не получалъ нужной доли? Можно, конечно, допустить, что столбы стояли на землѣ задолжавшихъ мелкихъ владѣльцевъ; но и это объясненіе не сходится съ общей концепціей Аристотеля: вѣдь у него вовсе нѣтъ крестьянъ-владѣльцевъ, есть только обладатели латифундій.

Очень трудно сказать, что такое *βροι*, и въ какомъ смыслѣ ихъ снятіе освободило «землю, находившуюся въ рабствѣ». Можетъ быть, дѣло идетъ о заповѣдной, храмовой землѣ, съ которой снимаютъ табуальные

знаки, чтобы отдать ее на обработку. Подобнаго рода свѣтская реформа отобрания земель «мертвой руки» очень подходила бы къ духу промышленнаго вѣка, въ которомъ жилъ Солонъ, современникъ Клисеена сикіонскаго, подходила бы къ нравамъ сухихъ, расчетливыхъ горожанъ, готовыхъ протянуть руку на старыя священныя владѣнія боговъ.

Что касается раздѣленія общества на классы крупныхъ землевладѣльцевъ и сельскихъ пролетаріевъ, то здѣсь мы имѣемъ дѣло со свободной композиціей греческихъ историковъ и напрасно стали бы искать подтвержденія въ фактахъ, намъ извѣстныхъ. Аристотель не говоритъ точно, кто тѣ немногіе, что владѣли всей землей; они только, въ его глазахъ, γυβρῖμοι, вліятельные люди. Новоевропейскіе историки опять услужливо добавляютъ: то были эвпатриды, члены старыхъ аристократическихъ фамилій. Но рѣшительно ни изъ чего не видно, чтобы эвпатриды были крупными землевладѣльцами. Богатые роды аристократіи, повидимому, извлекали свои доходы изъ средствъ иного происхожденія. Большинство ихъ, по словамъ Фукидида, были иностранцы, переселившіеся изъ другихъ общинъ и получившіе въ Аѣинахъ право гражданства. Геродотъ сообщаетъ любопытный фактъ о вождѣ аристократовъ 510 г. Исагорѣ: онъ самъ и его родъ поклонялись Зевсу Карійскому, т. е. малоазійскому божеству³⁷. Нѣкоторые, очень крупные по значенію роды, напр., Алкмеониды, а также Филаиды, изъ которыхъ происходилъ Мильтиадъ, обратно, провели много лѣтъ внѣ Аттики въ качествѣ аѣинскихъ эмигрантовъ. Частые выѣзды и постоянное отсутствіе вовсе не даютъ благопріятныхъ условій для развитія землевладѣнія. Къ тому же мы слышимъ, что у Алкмеонидовъ были большіе вклады въ Дельфійскомъ храмѣ, слѣд., у нихъ имѣлась крупная движимость, которая и образовала, вѣроятно, основу ихъ благосостоянія и ихъ вліятельнаго положенія. Аристократія составляла какъ разъ наименѣ осѣдлый классъ Аттики.

Аристотель нечувствительно слилъ воедино эвпатридовъ съ людьми «равнины» и сдѣлалъ послѣднихъ консервативной партіей. Геродотъ, у котораго заимствовано названіе «равнинныхъ», не даетъ никакихъ основаній для такого истолкованія; у него партіи названы по географическимъ районамъ и отчасти по занятіямъ. Подъ людьми равнины онъ могъ разумѣть просто обрабатывающихъ землю крестьянъ. Судя по тому, что въ V вѣкѣ Аттика была страной мелкихъ самостоятельныхъ винодѣловъ и оливководовъ, она и въ VI вѣкѣ едва ли представляла иной характеръ въ смыслѣ картины землевладѣнія. Чтобы спасти гипотезу о крупныхъ землевладѣльцахъ, составляющихъ по Аристотелю господствующій классъ старинной Аттики, остается только предположить, что мелкіе хозяева сельской Аттики произошли отъ крѣпостныхъ, си-

дѣвшихъ на сеньеріальной землѣ. Но вносить въ исторію Атики факты крѣпостного права и послѣдующаго освобожденія крестьянъ—значить только увеличивать массу неправдоподобныхъ построений. Крѣпостные порядки получаются обыкновенно отъ войнъ и отъ водворенія новыхъ пришельцевъ, которые подчиняютъ туземцевъ, какъ это было въ Лаконіи и Мессеніи. А между тѣмъ Атика славилась изстари между всѣми областями Греціи тѣмъ, что убереглась отъ завоеванія, и что ея жители были автохтонами, т.е. всегдашними прочными обитателями страны. Въ аѳинской общинѣ рѣшительно не видно никакихъ слѣдовъ барщины или выкупа ея.

Наиболѣе реальная черта въ картинѣ общественнаго движенія, нарисованной Аристотелемъ и Плутархомъ, это—обиліе кабалныхъ должниковъ, которыхъ Солонъ выкупилъ за границей и вернулъ на родину: онъ вѣдь самъ говоритъ о нихъ въ элегіи. Откуда они взялись? Новѣйшіе поклонники Аристотеля думаютъ, что это и есть упомянутые у него сельскіе пролетаріи, не уплатившіе помѣщикамъ половническихъ взносовъ. Такое объясненіе не логично: зачѣмъ же было продавать сельскихъ рабочихъ за предѣлы страны? Намъ кажется, болѣе правдоподобнымъ, что должники, и притомъ проданные въ рабство на чужестранномъ рынкѣ,—результатъ капиталистической горячки городской жизни и въ особенности жертвъ судебныхъ процессовъ и крайне развитаго сутяжничества, разорившаго массы людей. Солонъ, занявши властное положеніе, могъ выкупить многихъ изъ нихъ, а также, въ видѣ принципіальнаго рѣшенія, запретить долговую кабалу. Въ значительной мѣрѣ выкупленные могли быть сельчане, геоморы, которые влѣдствіе сѣнокозства стали въ большую зависимость отъ горожанъ, обладателей капитала; крестьянство занимало у нихъ, должно и у нихъ же вынуждено было судиться, т.е. платить въ тѣ же руки и еще тратиться на проѣзды.

Въ цѣломъ, недовольство по поводу долгового права могло быть у геоморовъ по преимуществу. Но отсюда нельзя дѣлать никакихъ заключеній относительно аграрнаго кризиса. Выраженія Аристотеля и Плутарха: «вся земля была въ рукахъ немногихъ», «масса рабочаго люда была въ долгу», «сельскіе пролетаріи требовали раздѣла земель» и пр., не только не опираются на какія-либо историческія свидѣтельства, но они неудачно и неумѣстно сочинены. Атика, вѣроятно, изстари была областью независимыхъ хлѣбопашцевъ и садоводовъ; строеніе ея общества было всегда демократическимъ. Аѳины не видѣли въ своей средѣ революціоннаго акта, который бы освободилъ придавленныхъ сельчанъ и сдѣлалъ сразу истощенныхъ долгами и разоренныхъ людей обезпеченными, самостоятельными гражданами. А разъ приходится отне-

стись отрицательно къ общей соціально-хозяйственной картинѣ Атики, нарисованной историками IV вѣка, тѣмъ самымъ устраняется возможность представлять Солона и Писистрата диктаторами соціальной революціи. Несомнѣнно, оба они были люди выдающіеся; не даромъ и тотъ, и другой оставили по себѣ такую яркую память. Но ихъ дѣло было чѣмъ-то совсѣмъ непохожимъ на роль, приписанную имъ Аристотелемъ и Плутархомъ. Они не были освободителями и создателями крестьянства; ихъ предводительство служило другой цѣли.

Анализъ конструкціи политической реформы Солона. Первоначальный строй общины представляется аѳинскимъ историкамъ высоко-аристократическимъ. Для того, чтобы объяснить, какъ въ Аѳинахъ выработалась демократія, было сдѣлано предположеніе, что аѳинскій народъ прошелъ черезъ промежуточные формы смѣшаннаго правленія. Когда слагалось это представленіе, сократо-платоновская школа рисовала идеаль уравниовѣшеннаго мудреца-законодателя, который вмѣстѣ съ тѣмъ становится и воспитателемъ народной массы. У Аристотеля мы встрѣчаемся съ соединеніемъ обѣихъ мыслей: реформу проводитъ величайшій мастеръ политическаго творчества; онъ видитъ ясно конечную цѣль впереди, но разумно сдерживаетъ рвущуюся къ демократіи массу и вводитъ сложную систему для поддержанія равновѣсія въ обществѣ и для смягченія крайнихъ теченій въ его средѣ: эта система опирается, главнымъ образомъ, на принципъ имущественнаго ценза.

У Аристотеля видно также, что изслѣдователи аѳинской старины колебались между Драконтомъ и Солономъ, когда надо было найти родоначальника идеи политическаго компромисса. Стараясь примирить разные взгляды, Аристотель впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ Политикѣ, теоретическомъ курсѣ государственнаго права, онъ говоритъ: «Драконтъ ввелъ только законы (разумѣются гражданскіе и уголовные) при сохраненіи прежняго политическаго строя» (*πολιτεία δ' ὑπαρχούσῃ*)³⁸. Въ Аѳинской Политіи, очеркѣ конституціоннаго развитія общины, Аристотель подробно описываетъ введенный Драконтомъ сложный политическій строй. Кажется, мы можемъ добраться до источника того историческаго вымысла, которому Аристотель довѣрился въ послѣднемъ случаѣ. Передавая содержаніе Драконтовой конституціи, онъ говоритъ, что активныя права гражданства должны были достаться тѣмъ, кто вооружается гоэлитомъ (латникомъ) на свой счетъ (*τοῖς ἄλλα παρεχόμενοις*). Это выраженіе буквально напоминаетъ основное условіе умѣренной конституціи, введенной въ Аѳинахъ въ 411 году, послѣ низверженія олигархіи: въ народномъ собраніи участвуютъ лишь способные вооружиться гоэлитами на свой счетъ³⁹. Видимо, были публицисты-сторонники конституціи середины, которые желали доказать, что предлагаемый

ими строй именно составлялъ отцовскій или дѣдовскій порядокъ (*πάτριος νόμος* или *πάτριος πολιτεία*), и потому приписали его легендарному Драконту. Составители политическаго мифа о Драконтѣ не позаботились привести какія-либо историческія доказательства. Аристотель, слѣдовавшій имъ въ данномъ случаѣ, также ничего не могъ прибавить отъ себя ⁴⁰.

Гораздо больше поработали аѳинскіе историки и политическіе писатели надъ обоснованіемъ роли Солона въ государственной жизни своей общины. Но такъ какъ въ законахъ Солона не было никакихъ политическихъ установленій, мысль изслѣдователя направлялась на живыя современныя учрежденія и пыталась изъ нихъ возсоздать прошлое. Идея конституціи ценза должна была получить особую популярность въ зажиточныхъ кругахъ Аѳинъ 60-хъ и 50-хъ годовъ IV вѣка, когда аѳинская демократія снова проявила воинственность и снова потерпѣла неудачу. Выписали вновь чрезвычайный военный налогъ, который долженъ былъ всей тяжестью лечь на богатыхъ. Заинтересованные въ дѣлѣ капиталисты составили неофициальный союзъ и наполнили собой коллегію совѣта, уполномоченнаго произвести раскладку военного налога. Совѣтъ постарался ликвидировать войну и фактически сдѣлался правительствомъ новыхъ Аѳинъ, мучительно переживавшихъ превращеніе большой морской державы въ мирный кантонъ, для котораго всего вѣрнѣе нейтральность. Разрушать демократію было не нужно и даже трогать ея формы опасно. Но обойти ее и поставить надъ ея вершиной фактически правящій совѣтъ капиталистовъ было вполне возможно. Новымъ правителямъ очень хотѣлось увѣрить гражданство, что въ такомъ именно умѣренномъ видѣ господства ценза на широкой демократической основѣ состояло старинное отцовское устройство, введенное Солономъ.

Такъ, можетъ быть, возникла система цензовой конституціи въ ея цѣломъ и принципѣ. Что касается частныхъ, то уже здѣсь работала ученая догадка и выкладка, прицѣплявшаяся къ нѣкоторымъ существующимъ терминамъ и бытовымъ названіямъ. Слѣды разсужденій ученыхъ изслѣдователей мы еще можемъ прочитать у Аристотеля.

Возникновеніе гипотезы о 4 классахъ. Дѣленіе на 4 класса и обозначеніе ихъ пентакосіомедимнами, всадниками, зевгитами и ѳетами мы встрѣчаемъ у Аристотеля впервые. Характеристика классовъ такова, что сразу чувствуется колебаніе и неуверенность изслѣдователей. Аристотель приводитъ только одинъ фактъ въ подтвержденіе того, что право на должности было въ соответствии съ имущественнымъ положеніемъ: кандидаты на должность казначея опредѣляются изъ класса пентакосіомедимновъ. Но на бѣду свою Аристотель ничѣмъ не могъ доказать, что пентакосіомедимны образуютъ именно высшій имуще-

ственный классъ: при описаніи дѣйствовавшей въ IV вѣкѣ аѳинской конституціи Аристотель признается, что пентакосіомедимномъ могъ быть человѣкъ бѣдный ⁴¹. Отсюда видно, что современники Аристотеля не имѣли уже яснаго понятія о томъ, откуда взялись пентакосіомедимны, и что такое вообще значить «человѣкъ пятисотъ мѣръ». Цифру 500 мѣръ, которую прочитали въ названіи, почему-то рѣшили считать за минимальную границу дохода богатыхъ гражданъ.

Остальные цифры, 300 мѣръ для всадниковъ и 200 для зевгитовъ, также, разумѣется, не сохранились ни въ какихъ документахъ, и опять здѣсь замѣтны колебанія изслѣдователей. Аристотель не знаетъ, какъ лучше объяснить имущественное положеніе всадниковъ: одни говорятъ, что ἵππαις—разрядъ людей съ чистымъ доходомъ въ 300 мѣръ, а другіе находятъ, что принадлежность къ этому классу зависитъ отъ обладанія конемъ, при чемъ ссылаются и на терминъ «всадникъ», и на вещественные памятники: въ самомъ дѣлѣ, въ аѳинскомъ замкѣ есть статуя съ надписью, въ которой объяснено, что ее посвятилъ богамъ Анѳемій, сынъ Дифила, за то, что ему удалось изъ класса ѳетовъ подняться въ классъ всадниковъ; а рядомъ съ изображеніемъ человѣка стоитъ конь, очевидный знакъ его новаго званія. Это не лишено правдоподобія, прибавляетъ Аристотель, но по аналогіи пентакосіомедимновъ вѣришь, что принадлежность къ всадникамъ зависѣла отъ размѣра ежегоднаго дохода. По этому разсужденію видно, что въ IV вѣкѣ и о всадникахъ не было яснаго представленія, а между тѣмъ еще въ V вѣкѣ, въ эпоху Пелопоннесской войны, всадники—почетное званіе высшаго класса, своего рода дворянство Аттики. Последнее мы знаемъ изъ Фукидида ⁴², а вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда ясно, какіе плохіе руководители въ отношеніи старины писатели IV вѣка, въ томъ числѣ Аристотель.

Что цензовую конституцію сочинили, а не вывели изъ источниковъ, видно также изъ колебаній Аристотеля по вопросу о времени ея введенія и относительно автора системы раздѣленія гражданъ на имущественные классы. Аристотель выражается довольно странно о Солонѣ: «раздѣлилъ (онъ) гражданъ по доходамъ на 4 класса, какъ (они) дѣлились и раньше». Затѣмъ онъ приписываетъ Солону лишь детальную разработку системы, въ силу которой должности были сообразованы съ имущественнымъ цензомъ. Когда же, спрашивается, было введено само дѣленіе по цензу, и какой цѣли оно служило раньше Солона? На эти вопросы мы не получаемъ отвѣта ни у Аристотеля, ни у Плутарха. Очевидно, на нихъ не могли отвѣтить и тѣ изслѣдователи, работу которыхъ воспроизводятъ дошедшіе до насъ писатели. Цензовое устройство придумали въ качествѣ разумнаго компромисса, удавшагося въ ста-

рину, и приписали его знаменитому законодателю Солону. Но связать его съ другими явленіями аѳинской конституціонной исторіи не сумѣли, и вся конструкція виситъ на воздухѣ.

Подлинныя классы аѳинскаго общества. Если намъ кажется очень неправдоподобной конституція ценза, то это не значитъ, что слѣдуетъ отстранить само дѣленіе аѳинскаго общества на классы; напротивъ, за выключеніемъ пентакосіомедимновъ, чистаго созданія теоріи, мы можемъ принять остальные три, упоминаемые Аристотелемъ и Плутархомъ, въ качествѣ подлинныхъ. Всадниками еще въ V вѣкѣ назывался высшій слой гражданства. Въ свою очередь всадники—пережитокъ гомеровскаго общества. Они и были во времена Солона настоящимъ высшимъ классомъ, въ ихъ рукахъ, вѣроятно, находились должности, и они заполняли собой правительственный совѣтъ, Ареопагъ. Это преобладаніе всадничества не было результатомъ какой-либо реформы; оно осталось, какъ наслѣдіе отъ гомеровской эпохи. Впослѣдствіи оно также не было отмѣнено опредѣленнымъ закономъ и держалось весьма долго въ аѳинской политической жизни. Аристотель сообщаетъ, что въ 457 году впервые главнымъ архонтомъ сдѣлался зевгитъ⁴³. Этому свѣдѣнію вполне можно повѣрить: фактъ вступленія перваго «мужика» въ высшую должность долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе и запомниться среди развитой политической жизни V вѣка. Слѣдовательно, исключительное положеніе всадниковъ въ политической жизни держалось вплоть до полнаго торжества крайней демократіи, наступившей лишь послѣ реформы Ареопага въ 462 году. Вполнѣ реальной классовой группой слѣдуетъ признать и зевгитовъ. Можетъ быть, только названіе «зевгитъ» не бытовое, а придуманное въ ученomъ кабинетѣ изслѣдователя IV вѣка; у писателей V вѣка, Геродота, Фукидида, анонимнаго автора брошюры 425 г., мы этого слова не встрѣчаемъ; къ понятію зевгита, однако, вполне можно подставить мелкаго землевладѣльца, геомора, настолько зажиточнаго, что онъ въ силахъ вооружиться на свой счетъ; это масса населенія внутренней сельской Аттики. Названіе третьей группы, оеты, греческіе изслѣдователи взяли изъ жизни и притомъ изъ стариннаго быта. Оетами у Гомера называются безземельные люди, наемники, но оно до извѣстной степени тоже стало терминомъ ученымъ; аѳинская демократія вывела это слово въ V вѣкѣ изъ употребленія: гордому простолюдину сильной морской державы, представителю верховнаго демоса, гомеровское имя бродячаго наемника казалось обиднымъ обозначеніемъ. Такъ оно осталось и въ IV вѣкѣ: Аристотель сообщаетъ, что въ современную ему эпоху никто не назвался бы оетомъ при соисканіи на должность⁴⁴.

Надо сдѣлать только одну важную поправку къ соціальному дѣ-

ленію аѳинскаго гражданства VI вѣка, воспроизведенному Аристотелемъ и Плутархомъ. Они или забыли вовсе упомянуть о параліяхъ и деміургахъ, купцахъ, судовладельцахъ и ремесленникахъ, или представляютъ себѣ ихъ въ низшемъ имущественномъ классѣ, разумѣя подъ себѣми всѣхъ, кто не получалъ дохода съ земли. Такъ или иначе объяснять пропускъ крупной социальной группы въ картинѣ солоновскаго времени, данной писателями IV вѣка, но мы-то не должны, во всякомъ случаѣ, повторять ихъ ошибки. Деміурги, работавшіе расписныя вазы на широкой сбытъ, конечно, имѣли самостоятельный вѣсъ въ Аѳинахъ начала VI вѣка. То же самое надо сказать и о параліяхъ: не внезапно же возникла ихъ партія, при Писистратѣ, а должна была играть роль уже при его предшественникѣ, Солонѣ.

Солонъ, какъ тираннъ Аѳинъ. Разобравшись въ классовомъ дѣленіи аѳинскаго общества, мы можемъ поставить вопросъ о политическомъ положеніи и дѣятельности Солона. Прислушаемся еще разъ къ элегіямъ Солона, заключающимъ въ себѣ автобиографическія признанія и манифестъ этого политическаго дѣятеля ⁴⁵. Стихотворенія рисуютъ его сначала руководителемъ оппозиціоннаго движенія, потомъ властнымъ правителемъ Аѳинъ. Въ одномъ стихотворномъ отрывкѣ онъ говоритъ какъ бы отъ имени недовольныхъ, въ качествѣ вождя раздраженной толпы, угрожая правящимъ слоямъ: «слушайте вы, пресыщенные всякими благами, смирите свое жестокое сердце и умѣрьте гордый духъ; вѣдь мы васъ не слушаемся, и не все у васъ останется въ рукахъ». Въ другомъ отрывкѣ совѣмъ иной тонъ: видно, что стихи написалъ человекъ, стоящій у власти и съ удовольствіемъ взирающій на совершенное имъ дѣло. Солонъ напоминаетъ о своей заслугѣ: его обѣщанія исполнены. Будучи облеченъ властью, онъ сумѣлъ разумно соединить законность съ насиліемъ; онъ можетъ дать политическіе совѣты своимъ преемникамъ. Теперь уже нѣтъ односторонности партійнаго вождя. Солонъ считаетъ, что справедливо примирилъ интересы различныхъ группъ; онъ не посылаетъ болѣе вызова крупнымъ людямъ; есть только намекъ, что они должны благодарить его за сохраненіе своего достоинства и искать его дружбы. По отношенію къ массѣ, напротивъ, выраженія его довольно суровы: съ похвалой говоритъ авторъ о себѣ, что «укротилъ народъ». Въ его глазахъ люди рѣзко дѣлятся на два разряда, какъ у Гомера: благородныхъ и плохихъ (*ἔσθλοὶ, καχοὶ*); немыслимо, чтобы тѣ и другіе на равныхъ правахъ владѣли богатой землей.

Судя по этимъ отрывкамъ, Солонъ мало отличался отъ Писистрата, своего преемника: онъ былъ настоящимъ тиранномъ Аѳинъ. Писистратъ какъ бы продолжалъ династію, основанную его старшимъ родственни-

комъ. Солонъ, насколько можно судить изъ элегій, шелъ вначалѣ во главѣ народнаго движенія противъ высшаго правящаго слоя, т.-е. противъ всадниковъ; онъ сумѣлъ затѣмъ провести компромиссъ между двумя борющимися группами. Чьи же интересы защищалъ онъ при этомъ и какими средствами? Онъ не былъ создателемъ новой конституціи: впоследствии еще на сто лѣтъ и больше остаются у власти тѣ же общественные слои; до Клисоена, т.-е. еще въ теченіе 90 лѣтъ, сохраняетъ исключительное господство тотъ же старый правительственный совѣтъ, Ареопагъ. Компромиссъ состоялъ въ чемъ-то другомъ.

Законы Солона. Приходится очень пожалѣть, что Аристотель, лишенный вкуса къ юридическимъ и экономическимъ вопросамъ, витающій въ области отвлеченной чистой политики, ничего не передалъ намъ о гражданскихъ законахъ Солона, хотя имѣлъ къ тому полную возможность, такъ какъ въ его время плиты, содержавшія кодексъ Солона, были общедоступны. Нѣсколько постановленій о правѣ наслѣдованія, о порядкѣ перехода земель, о залогахъ, о долговомъ правѣ и т. д. были бы для насъ несравненно болѣе цѣнны, чѣмъ пространныя и довольно безпочвенныя разсужденія Аристотеля о конституціонномъ строителствѣ древнихъ временъ. Это упущеніе Аристотеля тѣмъ болѣе курьезно, что въ своемъ автобиографическомъ признаніи, элегіяхъ, Солонъ не упоминаетъ ни о какихъ политическихъ установленіяхъ, а опредѣленно говоритъ: *Θεσμοὺς ἔγραψα*, записалъ законы, т.-е. составилъ кодексъ, гражданское уложеніе. Болѣе чуткій историкъ, Плутархъ, постарался собрать матеріалъ для характеристики Солонова законодательства. Но изъ его изложенія видно, что онъ не имѣлъ передъ собою подлиннаго документа; онъ только слышалъ, что оригинальныя таблицы законовъ на деревянныхъ доскахъ, вставленныхъ въ четырехгранныя, вращаемыя на осяхъ призмы, хранились въ качествѣ особой реликвіи въ Пританеѣ (зданіи городской управы); выписки Плутарха сдѣланы изъ какого-то юридическаго сборника, составитель котораго въ свою очередь страннымъ образомъ смѣшалъ цитаты изъ подлинныхъ таблицъ съ фантастическими законами, представляющими скорѣе мечтанія романтическихъ философовъ. Впрочемъ, намъ не трудно разобраться въ наивной смѣси, которую даетъ Плутархъ.

Прежде всего видно, что кодексъ, редактированный Солонемъ, былъ довольно великъ. Плутархъ упоминаетъ 8-ой законъ 13-ой таблицы, затѣмъ таблицу 16-ую. Уголовные законы Солона считались значительнымъ смягченіемъ сравнительно съ «написанными кровью» законами Драконта, которые назначали смертнѣю казнь за множество мелкихъ проступковъ, въ томъ числѣ за воровство. Солонъ отмѣнилъ эти

жестокія постановленія перваго кодекса, память о которыхъ еще оставалась у судебныхъ ораторовъ IV вѣка. Это очень любопытное свѣдѣніе. Конечно, мы не можемъ точно опредѣлить время Драконтовской редакціи, но все же едва ли она отстояла болѣе, чѣмъ на полвѣка отъ Солоновской. За этотъ сравнительно небольшой срокъ въ понятіяхъ городского общества должна была произойти существенная перемѣна. Сначала собственники и владѣтели капитала, горячася въ преслѣдованіи правонарушителей, пытались загородиться отъ нихъ угрозой самыхъ страшныхъ наказаній. Но, видимо, жестокость правящихъ классовъ вызвала сильный протестъ низшихъ слоевъ; можетъ быть, не разъ толпа вмѣшивалась въ дѣло юстиціи и разстраивала казнь людей, въ ея глазахъ невиновныхъ. Составитель реформированнаго кодекса долженъ былъ считаться съ настроеніемъ массы; смягчая наказанія, онъ, пожалуй, поступалъ въ демократическомъ духѣ. Впрочемъ, если онъ замѣнилъ казни штрафами, то онъ не забылъ также интересовъ имущихъ. Получился компромиссъ, о которомъ Солонъ говоритъ въ элегіи нѣсколько самоувѣренно: «я далъ подняться народу, но не больше, чѣмъ слѣдовало; я не позволилъ нанести обиду сильнымъ и богатымъ; я стоялъ, поднявши щитъ надъ обѣими партіями, и удержалъ ихъ въ равновѣсіи».

Меркантильныя черты, отмѣченныя нами въ Гортинскомъ правѣ, сильно чувствуются также и въ Солоновомъ законодательствѣ. Плутархъ передаетъ «нелѣпыя», по его мнѣнію, законы Солона «относительно женщинъ» (т. е. нарушенія женской чести). Прелюбодѣя старому можно было убить на мѣстѣ; но можно было также ограничиться полученіемъ съ него выкупа: 100 драхмъ за похищеніе женщины, съ добавкою еще 20 за сводничество. Отцу и брату было воспрещено продавать дочерей или сестеръ, *кромя* того случая, если дѣвushку заставляли съ мужчиной. Плутархъ возмущается, собственно, тѣмъ, что за одинъ и тотъ же проступокъ наказаніе положено очень строгое и очень пустое, точно это какая-то игра; но онъ не замѣчаетъ, кажется, постыдной коммерческой жилки, проникнувшей въ параграфъ о преслѣдованіи прелюбодѣйства и позволявшей мужчинамъ извлекать выгоду изъ неудачъ своихъ близкихъ родственницъ.

Очень важенъ законъ Солона, допускавшій при бездѣтности свободу завѣщанія, вмѣсто того, чтобы отдавать имущество отдаленнымъ родственникамъ. Подобнаго постановленія нѣтъ въ Гортинскомъ правѣ; оно показываетъ, что въ Аѣнахъ уже не считались съ родовыми понятіями, державшимися преимущественно въ средѣ аристократіи; крестьяне и люди городскихъ профессій находили для себя невыгодными стѣсненія родового права, и законъ открылъ имъ просторъ въ этомъ отношеніи.

Необыкновенно интересны постановленія кодекса, которыя опредѣляли право рыть колодцы и пользоваться колодцами сосѣдей, затѣмъ условія посадки оливокъ, смоковницъ и разныхъ техническихъ растений, устройство пчельниковъ, рытье канавъ и возведеніе загородокъ. Въ мелочныхъ предписаніяхъ о томъ, какое должно быть разстояніе между деревьями, между пчелиными роями, водоемами, межами и пр., отражается тѣсная жизнь мелкихъ хозяйствъ Аттики; въ этой необычайно интенсивно разработанной странѣ не оставалось свободнаго уголка, о пустыряхъ не было даже понятія; владѣльцы маленькихъ плантацій, страдавшіе отъ недостатка оросительныхъ средствъ, вели тяжелую борьбу съ природой и не менѣ жестоко оспаривали другъ у друга каждую пядь земли. Кодексъ долженъ былъ придти на помощь въ столкновеніяхъ, примирить интересы, сгладить рѣзко обостренныя и сшибавшіяся притязанія. Поскольку онъ регулировалъ сложныя хозяйственныя работы, вызывавшіяся характеромъ страны, и удовлетворялъ всеобщему желанію имѣть твердыя правила, онъ, дѣйствительно, выполнялъ какую-то національную задачу, и намъ представляется вполне понятнымъ, что личность его редактора должна была остаться въ памяти народа: онъ казался устройтеlemъ всеобщаго примиренія. Но, какъ вождь партіи, обязанный тѣмъ, кто его вознесъ, Солонъ не могъ не служить опредѣленной группѣ интересовъ, и яснѣ всего эта сторона выступаетъ во внѣшней политикѣ.

Внѣшнія отношенія Аѳинъ при Солонѣ и Писистратѣ. Повидимому, Солонъ болѣе всего былъ готовъ поддерживать параллель. Легенда рассказываетъ, что когда Мегара отняла у Аѳинъ Саламинъ, и всѣ попытки вернуть близкій къ аѳинской гавани островъ терпѣли неудачу, Солонъ прикинулся полупомѣшаннымъ и сумѣлъ горячими стихами воодушевить аѳинянь къ новому походу, во главѣ котораго граждане поставили самого поэта. Мегара была въ седьмомъ вѣкѣ, на ряду съ Коринѳомъ, сильной колонизирующей и торговой общиной. Занявши Саламинъ, Мегара загородила главный морской выходъ Аѳинамъ, изолировала Аттику съ моря. Отнятіемъ Саламина у Мегары началось морское усиленіе Аттики; однимъ изъ инициаторовъ, если не главнымъ вождемъ въ этомъ предпріятіи былъ Солонъ. Въ смыслѣ такой внѣшней политики племянникъ Солона, Писистратъ, котораго традиція называетъ тиранномъ аѳинскимъ, былъ продолжателемъ своего старшаго родственника. Его первымъ военнымъ подвигомъ былъ захватъ Нисей, гавани мегарской. Дальше Писистратъ заключаетъ союзы съ другими тираннами на островахъ Эгейскаго моря и налаживаетъ широкую мореходную политику.

О Писистратѣ, его политическихъ связяхъ и приемахъ Геродотъ

даетъ яркія и живыя свѣденія, и партійное положеніе тиранна выступаетъ отчетливо ⁴⁷. По словамъ Геродота, Писистратъ въ началѣ только «для виду» держался партіи «нагорныхъ», пока ему не удалось добиться вооруженной стражи и захватить акрополь; и дѣйствительно, въ пользу виноградарей верхней Аттики онъ не принимаетъ потому никакихъ мѣръ. Вся его политика построена на разныхъ комбинаціяхъ съ другими аристократическими родами и на помощи постороннихъ капиталовъ и наемниковъ.

Интересно между прочимъ, какъ Геродотъ опредѣляетъ аристократизмъ аѳинскихъ родовъ. «Филаидъ Мильтіадъ, потомокъ героевъ, происходилъ изъ дома, который держалъ (для игръ) четверку лошадей (*οἰκίτης τεθριππομένου*)». Главные соперники Писистрата—Алкмеониды и Филаиды. Алкмеонидъ Мегаклъ пытается вновь водвориться въ Аттикѣ, сначала какъ противникъ Писистрата, потомъ какъ его союзникъ; едва успѣвши заключить дружбу съ Писистратомъ и выдать за него свою дочь, Мегаклъ опять ссорится съ тиранномъ и снова удаляется изъ страны. Филаидъ Мильтіадъ не можетъ переносить тиранніи Писистрата, такъ какъ считаетъ его ровней себѣ; онъ уѣзжаетъ изъ Аѳинъ и создаетъ свое собственное княжество въ Херсонесѣ на европейскомъ берегу Геллеспонта, противъ рѣки захваченнаго аѳинянами Сигея, лежавшаго на азіатскомъ берегу. Его братъ Кимонъ, человекъ, лишенный талантовъ, тоскуя по родинѣ и желая вернуться, начинаетъ ухаживать за Писистратомъ. Четверки Кимона неизмѣнно выигрываютъ на Олимпійскихъ играхъ; однажды ему приходится въ голову приписать побѣду аѳинскому тиранну, и вслѣдъ за такимъ блистательнымъ комплиментомъ онъ добивается цѣли.

Особенно важны были иностранныя владѣнія и посторонняя денежная помощь, благодаря чему Писистрату удалось одолѣть постепенно всѣхъ соперниковъ и, несмотря на двукратное изгнаніе, окончательно утвердиться въ Аѳинахъ. Писистратъ владѣлъ золотыми рудниками въ Пангеѣ, около устья Стримона, воспользовался матеріальной поддержкой богатаго Лигдамида съ о. Наксоса, получилъ какимъ-то образомъ деньги отъ Эивъ и другихъ городовъ, такъ что могъ для завоеванія Аттики привести съ собой вѣссалійскую конницу. Позднѣе Писистратъ сумѣлъ завязать и поддержать обширныя связи по всему побережью Эгейскаго моря. Своему союзнику Лигдамиду онъ помогъ сдѣлаться тиранномъ; наиболѣе важный островъ посрединѣ Эгейскаго моря сталъ вслѣдствіе этого въ политическую зависимость отъ Аѳинъ. Въ свою очередь Лигдамидъ поддержалъ тиранна Поликрата на островѣ Самосѣ. Поликратъ завелъ большой флотъ въ сто кораблей, держалъ крупный отрядъ наемниковъ, блестящій дворъ и заключилъ друж-

бу съ египетскимъ фараономъ Амазисомъ. Эти три тиранна образовали взаимный союзъ и около 540 года распоряжались въ Эгейскомъ морѣ. Они представляли собой силу іонійской народности, и черта племенной связи выразилась въ заботахъ Писистрата и Поликрата о возвышеніи святилища Аполлона на островѣ Делосѣ. До извѣстной степени тутъ уже были намѣчены очертанія будущаго Делійскаго союза, во главѣ котораго стали Аѣины въ 477 году послѣ отраженія персовъ.

Ясно, въ интересахъ какого класса были всѣ эти предпріятія Писистрата, а, слѣд., ясно и то, какими слоями аѣинскаго общества онъ былъ вознесенъ на высоту власти. Это были совѣмъ не крестьяне, которыхъ Аристотель выдвигаетъ въ качествѣ главной опоры Писистрата, а паралии и деміурги, судовладѣльцы, мореходы и индустріалы, работавшіе на сбытъ. Политика Писистрата открываетъ выходъ ихъ предпріимчивости, собираетъ и организуетъ ихъ силы, создаетъ въ Атикѣ коммерческой и, можетъ быть, также военный флотъ.

Ни Солоонъ, ни Писистратъ не были политическими реформаторами. Прежнія учрежденія и должности оставались при тираннахъ въ полной силѣ. Выбирались ежегодно архонты, собирався Ареопагъ, т.-е. высшій совѣтъ и главный судъ Аѣинъ. Писистратъ, а потомъ его сыновья хлопотали, по словамъ Фукидида, лишь о томъ, чтобы въ коллегіи правящихъ сановниковъ былъ непременно представитель ихъ фамиліи⁴⁸; это давало возможность постоянно слѣдить за ходомъ дѣлъ и проявлять свою инициативу въ политикѣ. Вѣроятно, рядомъ съ этимъ Писистратиды старались обезпечить себѣ большія новыя командованія въ задуманныхъ ими же предпріятіяхъ. Изъ такихъ командованій, надо думать, и возникла должность *стратеговъ*. Командирамъ приходилось собирать участниковъ экспедицій на большія совѣщанія. Отсюда оживленіе при тираннахъ народныхъ сходовъ, похожихъ на собранія воиновъ въ Илиадѣ. Можетъ быть, при воинственныхъ тираннахъ возникло и названіе *эκκλησία* (ἐκκλησία), «собраніе по публичному вызову».

Тираннія въ Аѣинахъ не была сплошнымъ правленіемъ династіи. Большой перерывъ приходится между Солономъ и Писистратомъ: архонтство и начало законодательства Солона считается въ 594 году, первое водвореніе Писистрата—въ 560 году. Лишь въ 545 году Писистратъ окончательно утвердился въ Аѣинахъ; онъ умеръ въ 527 г., въ глубокой старости, передавши свое богатство и вліяніе сыновьямъ.

Паденіе тиранніи въ Аѣинахъ. Писистратиды въ теченіе полутора десятилѣтій пользовались тѣмъ положеніемъ, которое завоевалъ ихъ отецъ, но затѣмъ въ результатъ недолгой ожесточенной борьбы они были опрокинуты и изгнаны.

Относительно причинъ паденія тиранніи въ Аѣинахъ сложился сво-

его рода романтической взглядъ. Установившаяся версія гласила, что правителемъ послѣ смерти Писистрата былъ старшій его сынъ Гиппій, который продолжалъ править согласно принципамъ своего отца. Личные враги его брата Гиппарха составили заговоръ, и двоимъ изъ нихъ, Гармодію и Аристокейтону, удалось заколоть его. Гиппій принялъ тотчасъ же энергическія мѣры противъ заговорщиковъ; онъ сумѣлъ удержать авторитетъ, но характеръ его власти измѣнился и господство его обратилось въ произволъ. Поэтому, когда спустя 4 года послѣ убійства Гиппарха, Гиппій былъ изгнанъ, паденіе тиранна стали разсматривать, какъ освобожденіе народа аеинскаго. Согласно такой формѣ рассказа, тираннія сама ускорила свою катастрофу тѣмъ, что измѣнила народнической политикѣ и стала гнетущимъ режимомъ. Можно догадаться, что легенду о жестокихъ правителяхъ придумали враги тиранновъ, аристократы, которые также идеализировали тиранноубійцъ и добились постановки имъ памятника. Въ Аеинахъ водрузили еще другой символъ какъ бы вѣчнаго осужденія тиранніи: въ акрополѣ, городскомъ кремлѣ, высилась колонна, на которой обозначили имена тиранновъ, какъ виновниковъ неправды и насилія (*ἀδικία*)⁴⁹. Вмѣстѣ съ тѣмъ аристократы, приспособляясь къ демократическимъ вкусамъ, привили народу убѣжденіе, что тираннію свергъ самъ демось, который, наконецъ, пересталъ нуждаться въ руководителяхъ и опекунахъ.

Насъ не можетъ удовлетворить такое объясненіе. Очень ужъ подѣтки разсуждать: тираннія пала оттого, что морально испортилась. Слѣдуетъ присмотрѣться къ положенію партій и къ международнымъ сдѣланиямъ. Прежде всего положеніе Писистратидовъ пошатнулось вслѣдствіе разстройства вѣнскихъ отношеній, которыми они держались. Морской союзъ трехъ іонійскихъ правителей разбился о великую завоевательную силу персовъ. Іонія потеряла важную опору на югѣ, когда персы захватили Египетъ (525 г.). Одинъ за другимъ переходили въ руки персовъ малоазійскіе города и острова Эгейскаго моря. Изъ друзей Писистрата погибъ Поликратъ самосскій, взятый въ плѣнъ малоазійскимъ сатрапомъ. Во время скиѣскаго похода персы перешли на Балканскій полуостровъ. Аеинская тираннія была, такимъ образомъ, изолирована со стороны моря. На другомъ концѣ съ перешейка на нее также надвигался врагъ въ лицѣ Спарты, подававшей помощь аристократіи въ ея борьбѣ съ тиранніей.

Лишь при этихъ условіяхъ рѣшились выступить внутренніе враги тиранновъ, до тѣхъ поръ совершенно подавленные и безсильные. Геродотъ считаетъ главнымъ противникомъ тиранніи родъ Алкмеонидовъ, которому никакъ не удавалось утвердиться въ Аеинахъ послѣ своего перваго изгнанія. Алкмеониды расположили въ свою пользу Дельфій-

скую жреческую коллегію, отдавши большія средства на возобновленіе сгорѣвшаго храма, или, какъ говорили въ Греціи, они подкупили прорицательницу Пифію. Съ этого времени спартанцы получали изъ Дельфъ неизмѣнно одно и то же предписаніе: изгнать изъ Аѳинъ тиранновъ⁵⁰. Первая попытка спартанцевъ занять Аѳины кончилась неудачей. Къ тираннамъ пришла на помощь ѳессалійская конница, оказавшая услуги еще отцу ихъ, и помогла разсѣять пѣшее ополченіе нелопоннесцевъ. Второе нашествіе, во главѣ котораго былъ самъ царь спартанскій Клеомень, достигло цѣли. Тираннъ Гиппій, сынъ Писистрата, со своей семьей долженъ былъ бѣжать изъ Аѳинъ; онъ пашель убѣжище въ своемъ замкѣ въ Сигеѣ, около Трои (510 г.). Здѣсь Гиппій находился уже въ предѣлахъ господства персовъ. Онъ перешель, вмѣстѣ съ нѣкоторыми малоазійскими тираннами, въ число вассаловъ персидскаго царя и пытался потомъ при помощи персовъ вернуться въ Аѳины.

Между возвратившимися въ Аѳины аристократами разгорѣлась жестокая вражда. Спартанскій царь Клеомень оставилъ власть въ рукахъ своего ближайшаго друга Исагора, который хотѣлъ завести олигархическіе порядки. Но Исагоръ встрѣтилъ гениальнаго противника въ лицѣ Алкмеонида Клисѳена, самаго выдающагося организатора Аѳинъ, превратившагося въ сторонника демократіи. Клеомень еще разъ пришелъ въ Аѳины на помощь Исагору: они возобновили религіозное проклятіе, тяготѣвшее надъ Алкмеонидами, и Клисѳенъ долженъ былъ удалиться изъ Аѳинъ вмѣстѣ съ семьюстами фамилій. Однако масса аѳинянъ оказалась на сторонѣ Клисѳена: Клеомень и Исагоръ были осаждены въ акрополѣ и капитулировали на условіяхъ свободнаго пропуска. Клисѳенъ вновь возвратился въ Аѳины и постарался закрѣпить свое положеніе новой организаціей гражданства (приблиз. 507—506 гг. до Р. X.).

Клисѳенъ—организаторъ сельской Аттики. Судя по изложенію Геродота, о реформѣ Клисѳена сохранились весьма живыя воспоминанія. Любопытныя подробности добавляетъ и Аристотель⁵¹; къ нимъ можно отнести съ довѣріемъ, такъ какъ клисѳеновскія филы, триитіи и демы въ мало измѣненномъ видѣ существовали и функционировали въ IV вѣкѣ. Современная археологія подтвердила эти указанія и смогла возстановить большую часть клисѳеновскихъ округовъ и волостей⁵².

Клисѳенъ уничтожилъ старыя группировки гражданства и на ихъ мѣсто ввелъ новыя. Раньше населеніе Аттики было раздѣлено на 4 филы, названія которыхъ (Γελέωντες, Ὀπλήτες, Ἀργάδεις, Αἰγικόρεις) повторяются въ другихъ іонійскихъ общинахъ. Геродотъ говоритъ, что

имена эти происходят отъ четырехъ сыновей Иона, родоначальника іонійскаго племени. Филы дѣлились на триттіи (т.-е. трети). Клизеены замѣнилъ эти старыя 4 филы и 12 триттій новыми десятью филами и 30 триттіями. Для новыхъ филъ онъ придумалъ имена мнѣческихъ родоначальниковъ, заимствованныя изъ старинной аѳинской исторіи, да еще къ нимъ прибавилъ героя троянской войны Аякса. Эти имена были одобрены авторитетнымъ оракуломъ въ Дельфахъ.

Неизвѣстно, были ли старыя филы сплошными территоріями. Новыя филы, во всякомъ случаѣ, намѣренно были составлены изъ разрозненныхъ кусковъ. При этомъ реформаторъ исходилъ отъ дѣленія страны на три естественныя области. Онѣ у Аристотеля названы: 1) областью около города (т.-е. Аѳинъ, *περὶ τὸ ἄστυ*), 2) береговой (*παράλια*) и 3) срединной (*μεσόγειον*). Каждая изъ этихъ трехъ территорій была теперь раздѣлена на 10 частей (всего 30 новыхъ триттій). Для составленія филы брали по одной части (по одной триттій) отъ каждой территоріи. Слѣдовательно, въ каждой филѣ былъ кусокъ отъ города Аѳинъ или его окрестностей, отъ внутренней земли и отъ береговой полосы. Триттіи подраздѣлялись дальше на демы (*δῆμοι*), т.-е. общины, коммуны. Клизееновы демы примыкають, вѣроятно, къ старымъ поселкамъ. Организаторъ, можетъ быть, сложилъ нѣсколько мелкихъ поселковъ вмѣстѣ въ немногіе болѣе крупныя. Обратнo главный городъ и его предмѣстья были раздѣлены на нѣсколько демовъ. Такимъ образомъ, Аѳины не получили особаго цѣльнаго столичнаго управленія. Городъ Аѳины какъ бы остался географическимъ понятіемъ: на его территоріи лишь тѣсныя, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, лежало нѣсколько демовъ, нѣсколько самостоятельныхъ общинъ. Невольно думаешь, что раздробленіе главнаго города въ административномъ отношеніи входило въ планы реформатора: онъ не хотѣлъ давать центру возможность подавлять собой сельскіе округа, онъ старался разстроить и безъ того тѣсное естественное сплоченіе горожанъ, дающее имъ легко перевѣсъ надъ разрозненными деревнями.

Можно составить себѣ довольно ясное представленіе о жизни самой мелкой административной или земской единицы Атики. Демъ составлялъ какъ бы небольшую самостоятельную общину. Въ немъ ежегодно смѣнялся выборный староста, демархъ, который завѣдовалъ кассой, собиралъ взносы и аренду съ общинной земли, держалъ надзоръ за порядкомъ округа, руководилъ собраніемъ демоновъ (*ἄγορά*) и приводилъ въ исполненіе его приговоры; мірской сходъ провѣрялъ его правоспособность при вступленіи на должность (докимасія) и снималъ съ него отчетъ при сдачѣ должности такъ же, какъ это дѣлало общенародное собраніе при избраніи и уходѣ въ отставку главныхъ долж-

ностныхъ лицъ. Отъ дема зависѣло принятіе новыхъ лицъ въ составъ гражданства. Граждане считались прежде всего членами того или другого дема. Они и ихъ потомки обозначались именемъ того дема, въ которомъ ихъ застала реформа Клисеена. Напр., *Περικλῆς ὁ Εανθίππου Χολαργεύς*, Периклъ, сынъ Ксанѳиппа, изъ дема Холарга. У демарха былъ списокъ гражданъ, а собраніе дема рѣшало тайнымъ голосованіемъ вопросъ о принятіи въ свою среду сыновей гражданъ, достигшихъ совершеннолѣтія. Точно такъ же при чрезвычайной провѣркѣ гражданскихъ правъ (*διαψήφισις*) собраніе демотовъ могло выключить изъ списковъ тѣхъ, кого признавало неправильно вошедшими въ составъ гражданства. Въ демѣ не было никакой іерархіи, не признавалось никакой аристократіи. Аристотель говоритъ по этому поводу, что кандидата на должность отнынѣ спрашивали лишь о принадлежности къ дему, для того, чтобы новопринятые граждане не были вынуждены обнаруживать свое происхожденіе указаніемъ своего отечества.

Политическія нововведенія Клисеена. Клисееновы демы составляли не только форму мѣстнаго самоуправленія; вмѣстѣ съ триттіями и филлами они образовали основу общеполитическаго порядка. Въ V вѣкѣ два важнѣйшихъ учрежденія опирались на дѣленія и организаціи Клисеена. Во-первыхъ, коллегія десяти стратеговъ, которыхъ можно назвать не только командирами ополченія и флота, но также заправителями финансовой стороны войны; стратеги выбирались общимъ собраніемъ по одному на каждую филу. Во-вторыхъ, совѣтъ 500 (*βουλὴ* или *οἱ πεντακόσιοι*). Должность стратеговъ могла возникнуть раньше Клисеена; реформатору принадлежить, можетъ быть, только приспособленіе выборовъ въ эту должность къ филламъ. Что же касается совѣта 500, то очень правдоподобно, что онъ составляетъ оригинальное нововведеніе Клисеена. Выборы въ совѣтъ происходили по демамъ; каждый демъ ставилъ число депутатовъ, пропорціональное количеству его населенія. Совѣтъ былъ какъ бы представительствомъ самостоятельныхъ общинъ, на которыя распадалось государство. Обыкновенно совѣтъ 500 не засѣдалъ въ полномъ своемъ составѣ. Для завѣдованія текущими дѣлами онъ былъ раздѣленъ соотвѣтственно 10 филламъ на 10 пританій, или очередныхъ сессій, по 50 человекъ, которые смѣняли другъ друга въ теченіе года. Когда созывалось народное собраніе, во главѣ его садились пританы, т.-е. члены очередной десятой доли совѣта, а предсѣдатель пританіи, ежедневно смѣнявшійся *ἐπιστάτης*, становился также предсѣдателемъ народнаго собранія. Въ смѣнѣ очередей и въ томъ, что очередная сессія получала общественный обѣдъ, отражалось происхожденіе совѣта изъ интересовъ сельскаго населенія; этотъ порядокъ былъ устроенъ, очевидно, для того, чтобы пред-

ставители демовъ, не имѣвшіе по большей части постояннаго жилища въ городѣ, могли пріѣзжать въ Аѣны на короткій срокъ.

Въ пятомъ вѣкѣ въ эпоху развитой демократіи, когда еkkлeсiя собиралась очень часто и входила непосредственно во всѣ важнѣйшія дѣла, совѣтъ Пятисотъ составлялъ какъ бы постоянную комиссію народнаго собранія. Повидимому, иную гораздо болѣе прямую политическую роль игралъ совѣтъ 500, когда онъ былъ впервые введенъ Клисѣеномъ. Надо думать, что народныя собранія созывались рѣдко иплоть до радикальной реформы 462 года, потому что до этого времени въ общинѣ преобладалъ сельскій демосъ Аттики, которому трудно было собираться изъ деревень въ городъ. При тираннахъ общія сходы вообще составляли чрезвычайное, почти революціонное явленіе, служа объединенію главнымъ образомъ участниковъ экспедицій и предпріятій. Клисѣенъ, кажется, придумалъ форму собраній, которая давала возможность демосу правильно сходиться и слѣдить за всѣми важнѣйшими дѣлами: населеніе демовъ отряжало депутатовъ, которые засѣдали постоянно въ городѣ рядомъ съ правительственными коллегіями архонтовъ и Ареопага. Совѣтъ 500 и былъ какъ бы малымъ или постояннымъ народнымъ собраніемъ своего времени. Большое или общее собраніе всѣхъ гражданъ сходило лишь для того, чтобы произвести выборы или принять какую-нибудь важную общую резолюцію (псефизму). Къ такимъ чрезвычайнымъ собраніямъ подходитъ отчасти параллель плебисцита и референдума новѣйшаго времени.

Впослѣдствіи, во времена Перикла и Пелопоннесской войны, когда еkkлeсiя выслушивала сложные дебаты, принимала детальныя рѣшенія, клисѣеновская конституція, впервые открывшая двери народному контролю, казалась консервативной и черезчуръ робкой. Но для своего времени созданіе совѣта 500 было необыкновенно рѣшительнымъ и смѣлымъ шагомъ. Архонты и Ареопагъ, избиравшіеся изъ высшаго слоя общества, привыкшіе рѣшать всѣ дѣла въ своихъ тайныхъ засѣданіяхъ, увидали теперь рядомъ съ собой открытыя многочисленныя собранія людей всякаго званія, представительство, главнымъ образомъ, сельской Аттики, всю страну, которая пришла завѣдовать политикой и контролировать дѣйствія правительственныхъ органовъ.

Соціальные мотивы реформы Клисѣена. Въ свое время реформа Клисѣена произвела очень сильное впечатлѣніе, но первоначальные мотивы ея частью ускользнули отъ вниманія позднѣйшихъ судей и критиковъ. Аристотель считаетъ, что главной цѣлью Клисѣена было перемѣшать разные элементы населенія⁵³. Въ самомъ дѣлѣ, соединяя въ каждой филѣ представителей разныхъ областей, соперничавшихъ между собой, реформа Клисѣена какъ будто разстраивала старинныя

грушировки (особенно дѣленіе на педіеевъ, паралиевъ и діакріевъ) и ослабляла ихъ давнишній взаимный антагонизмъ. Но объясненіе Аристотеля звучитъ слишкомъ отвлеченно: опять намъ преподносятъ организатора въ родѣ Солона, какого-то сверхчеловѣческаго соціального воспитателя, дѣйствовавшаго въ духѣ равномерной нейтрализаціи всѣхъ соперничествъ. Клисеенъ же, какъ дѣятель партійный, вѣроятно, поступалъ какъ разъ наоборотъ, стараясь укрѣпить союзныя съ нимъ группы и разстроить враждебныя.

Весьма реальный мотивъ реформы выдвигаетъ Геродотъ ⁵⁴. Рассказывая о Клисеенѣ аѣнскомъ, онъ невольно вспоминаетъ о его дѣдѣ по матери, Клисеенѣ сикіонскомъ, и даетъ сопоставленіе обоихъ реформаторовъ. Совершенно такъ же, какъ старшій Клисеенъ, изъ нерасположенія къ дорянамъ, отмѣнилъ въ Сикіонѣ общедорійскія названія филъ, и младшій Клисеенъ, презиравшій іонійцевъ, уничтожилъ въ Атикѣ іонійскія названія филъ. Что же могло означать это презрѣніе Клисеена аѣнскаго къ іонійцамъ и разрывъ съ ними номинальныхъ связей? Повидимому, здѣсь крылся очень опредѣленный поворотъ вѣдшей политики. Писистратиды тяготѣли къ іонійскому міру, занимавшему острова и малоазійскіе берега Эгейскаго моря. Алкмеониды за время своего изгнанія завязали отношенія въ совершенно другой сторонѣ. Сблизившись съ дельфійскимъ оракуломъ, они, вѣроятно, получили отъ богатой жреческой коллегіи денежныя средства для возвращенія въ Аѣины. Они опредѣленно отказались отъ восточныхъ морскихъ и іонійскихъ связей и пытались даже вступить подъ покровительство персовъ. Геродотъ рассказываетъ, что какъ только вернулся Клисеенъ во второй разъ, аѣниняне отправили посольство въ Азію для заключенія союза съ персами. Съ персидской стороны было поставлено требованіе подданства (дать земли и воды), и аѣнскіе послы согласились на такое условіе. Геродотъ прибавляетъ, что они не имѣли на то уполномоченія отъ народа ⁵⁵; но эту поправку явно внесла націоналистическая гордость аѣнинянъ позднѣе, когда они побѣдили Ксеркса. Очень правдоподобно, что Клисеенъ отправилъ пословъ именно съ предложеніемъ подданства Аѣинъ персидской державѣ; цѣлью такого односторонняго союза было, можетъ быть, полученіе персидской субсидіи для борьбы съ европейскими врагами Аѣинъ, которые надвигались со всѣхъ сторонъ.

Пожалуй, мы въ правѣ сдѣлать еще одно заключеніе изъ того обстоятельства, что Геродотъ находитъ сходство между двумя организаторами, дѣдомъ и внукомъ. Клисеенъ сикіонскій, политикъ свѣтскаго направленія, пытался разрушить значеніе и богатство религіозныхъ корпорацій; однимъ изъ средствъ къ тому было переименованіе

филь, перестановка традиціонныхъ символовъ, замѣна ихъ новыми, собственнаго изобрѣтенія. Не потому ли вспомнилъ о немъ Геродотъ, что Клисѣенъ аѣинскій, примѣняя схожіе приемы, также рѣшился разорвать со святыми именами филь, оставшимися отъ старины, для чего пришлось сдвинуть старые миѣы и замѣнить ихъ искусственными историческими терминами? И не значить ли это, что у Клисѣена аѣинскаго были тѣ же противники въ видѣ религіозныхъ корпорацій, связанныхъ со старыми филами, а также, что у него была цѣль ослабить священныя группировки, разстроить ихъ и, можетъ быть, затронуть ихъ имущество, предоставить его на пользованіе вновь устроеннымъ деревенскимъ союзамъ? Какаѣ-нибудь матеріальная выгода для народа была въ реформѣ филь; иначе трудно понять выраженіе Геродота, что именно включеніемъ въ новыя филь демоновъ, сельскихъ округовъ, Клисѣенъ расположилъ къ себѣ народъ. Внимательный анализъ вѣшнихъ событій, слѣдующихъ за реформой Клисѣена, покажетъ намъ еще ближе, въ интересахъ какихъ классовъ дѣйствовалъ самый выдающійся изъ Алкмеонидовъ.

Внѣшняя политика Аѣинъ послѣ реформъ Клисѣена. Спартанцы были очень недовольны изгнаніемъ Исагора и демократическимъ переворотомъ, который произвелъ Клисѣенъ. Къ Аттікѣ вновь двинулось большое пелопоннесское ополченіе подъ начальствомъ обоихъ спартанскихъ царей, Клеомена и Демарата. Съ пелопоннесцами сговорились одновременно напасть на Аттіку еиванцы и халкидяне съ острова Эвбеи. Наконецъ, Аѣинамъ угрожала съ моря Эгина. Ополченіе Аттіки направилось навстрѣчу самому опасному противнику, пелопоннесцамъ, которые уже дошли до Элевсина. Аѣинянамъ помогли раздоры среди враговъ: царь Демаратъ поссорился съ Клеоменомъ и ушелъ домой; коринѣяне отказались участвовать въ экспедиціи противъ Аѣинъ и повернули обратно. Клеомену съ остальнымъ ополченіемъ пришлось также отступить. Аѣиняне обратились теперь противъ еиванцевъ. Разгромивъ еиванское ополченіе, побѣдители въ тотъ же день переправились черезъ Эвригъ, узкій проливъ, отдѣляющій Эвбею отъ Средней Греціи. Въ Халкидѣ за аѣинянь былъ городской демосъ, и аѣинянамъ удалось разбить эвбейскихъ рыцарей (*ιπποβόται*). Эта побѣда имѣла очень важныя послѣдствія для Аѣинъ. У халкидскихъ всадниковъ отобрали землю и посадили на ней до 4 тысячъ аѣинскихъ клеруховъ (колонистовъ съ крестьянскими надѣлами). Завоеваніе халкидской территоріи положило начало покоренію Эвбеи; въ городѣ Халкидѣ аѣиняне помогли демократическому перевороту и приобрѣли въ демосѣ послушнаго союзника.

Откуда вдругъ появилось это необыкновенно дѣятельное неукро-

тимое афинское ополчение, которое идетъ отъ успѣха къ успѣху? По-видимому, оно—результатъ широкаго союза деревень Аттики, созданнаго Клисеемъ. Въ сельской Атикѣ накопилось, вѣроятно, не малое число безземельныхъ, которые охотно пошли на завоеваніе и были вознаграждены надѣлами на Эвбеѣ, образовали первую иностранную колонію Аѳинъ. Ясно, что политика Клисеена, отвернувшись отъ моря и отъ іонійскихъ связей, была поворотомъ въ интересахъ сельскаго населенія: реформаторъ воспользовался подъемомъ крестьянства Аттики и, въ свою очередь, укрѣпилъ этотъ классъ своей организаціей. Если держаться афинскихъ терминовъ, Клисеенъ помогъ діакріямъ и педіеямъ противъ параліевъ, горожанъ и мореходовъ, выдвинутыхъ въ свое время іонійской политикой Писистратидовъ. Становится также понятнымъ, почему Клисеенъ разбилъ городъ Аѳины между нѣсколькими демами и разстроилъ возможность преобладанія города надъ деревнями: онъ велъ реформу въ пользу сельчанъ; Аѳины должны были остаться лишь географическимъ терминомъ, мѣстомъ засѣданій соединенныхъ делегатовъ всей Аттики.

Писистратъ и Клисеенъ, какъ организаторы возникающей демократіи. Разсказавъ объ изгнаніи Писистратидовъ, Геродотъ прибавляетъ: «Аѳины, раньше уже бывшія крупной силой, теперь, освободившись отъ тиранновъ, стали еще сильнѣе... Итакъ, аѳиняне выросли и стали могучи, и обнаружилось ясно, при томъ во всѣхъ проявленіяхъ жизни, что за великое дѣло равноправность (*ισηγορίη*). Если аѳиняне, находясь подъ властью тиранновъ, не могли одолѣть на войнѣ никого изъ своихъ сосѣдей, то, свергнувъ тиранновъ, они достигли безусловнаго первенства. Отсюда очевидно, что, будучи въ подчиненіи, они намѣренно работали плохо, потому что работали на деспота. Достигнувъ свободы, они проявили огромную энергію, такъ какъ каждый могъ съ полной силой отдаться своей дѣлѣ»⁵⁶. Горячій почитатель демократіи, близкій Алкмеонидамъ, свергнувшимъ тираннію, Геродотъ высказываетъ здѣсь сужденіе не вполне справедливое. Мы видѣли, какъ далека была вообще старая тираннія отъ деспотизма, отъ притѣсненія народа. Нѣтъ основанія говорить о какомъ-либо упадкѣ энергіи въ Аѳинахъ подъ режимомъ тиранновъ. Напротивъ, ихъ время было началомъ крупнаго расширенія Аѳинъ. вмѣстѣ съ тѣмъ они подготовили въ значительной мѣрѣ то вооруженіе афинскаго народа, которое продолжалъ потомъ Клисеенъ. Съ другой стороны, есть всѣ основанія признать Клисеена, въ свою очередь, такимъ же тиранномъ, т.-е. вождемъ и организаторомъ народныхъ массъ, какими были Писистратиды; вся разница лишь въ томъ, что ему и его послѣдователямъ удалось избѣгнуть названія тирана, сдѣлавшагося чѣмъ-то ненавистнымъ.

На нашъ взглядъ, въ политическомъ развитіи Аѳинъ каждому изъ двухъ великихъ демагоговъ, Писистрату и Клисѳену, принадлежитъ своеобразная роль: оба они собираютъ и сплочиваютъ демократическіе элементы, одинъ—городскіе и мореходные, другой—сельскіе и сухопутные. Исторія Аѳинъ слагается потомъ изъ союза и антагонизма обѣихъ демократій. Отъ каждаго изъ нихъ остались учрежденія и традиціи, которыя въ своемъ цѣломъ и составляютъ характерную особенность аѳинскаго строя V вѣка.

Сколько можно судить, Писистратиды впервые ввели большія общія голосованія, въ которыхъ масса высказывалась о программахъ политики и дѣйствіяхъ вождей. Противники тиранніи потомъ добиваютъ родство Писистрата *остракизмами*, т.-е. всенародными тайными голосованіями. Многое говоритъ за то, что остракизмъ, часто примѣнявшійся въ началѣ V вѣка, былъ въ это время уже чѣмъ-то привычнымъ въ Аѳинахъ, и что его завели сами тиранны, которыхъ преслѣдовали потомъ ихъ собственнымъ средствомъ. Возникновеніе остракизма становится понятнымъ, если представить себѣ обстановку старинныхъ Аѳинъ, когда въ городѣ было еще сравнительно мало народа, когда масса, рѣдко собиравшаяся на сходку, была робка. Желая устранить своего противника, вліятельнаго человѣка, окруженнаго свитой и кліентами, популярный тираннъ устраивалъ тайную подачу голосовъ и добивался двоякой цѣли: давалъ возможность мелкому люду высказаться безбоязненно и вмѣстѣ съ тѣмъ получалъ внушительное рѣшеніе, которое опрокидывало его врага. На долю тиранновъ приходится также отнести первую попытку вооруженія народа, а въ связи съ этимъ, вѣроятно, установленіе должности стратеговъ, замѣнившихъ стараго начальника ополченія, полемарха. Наконецъ, въ видѣ послѣдствія тиранніи, приблизительно на 100 лѣтъ, въ Аѳинахъ осталась, несмотря на демократическія формы, характерная черта монархическаго руководительства. За Клисѳеномъ идетъ преобладаніе Мильтіада, потомъThemistocle, Kimona; за ними особенно продолжительное вліаніе Перикла, котораго недаромъ сравнивали съ тиранномъ Писистратомъ; послѣднимъ въ ряду этихъ демократическихъ монарховъ можно считать Алкивіада.

Клисѳенъ не отмѣнилъ учреждений и обычаевъ тиранніи; напротивъ, онъ воспользовался всѣми созданіями предшественниковъ и, при посредствѣ своей организаціи, лишь перенесъ центръ тяжести на другіе общественные элементы. Онъ создалъ представительство сельской Аттики въ видѣ совѣта 500 и поставилъ подъ его контроль правительственный центръ, средоточіе городской жизни. Разбивъ, до известной степени, растворивъ городъ въ общей массѣ демовъ и филъ, Клисѳенъ

отнять перевѣсъ, который получили Аѳины надъ Атикой во время удачныхъ морскихъ и торговыхъ захватовъ тираніи. Несмотря на то, что въ V вѣкѣ внѣшняя исторія Аѳинъ пошла совершенно инымъ путемъ, въ духѣ морской политики, созданіе Клисѳена все-таки сохранило свою силу. Еще ко времени Пелопоннесской войны, по словамъ Фукидида, аѳиняне по большей части жили въ деревнѣ. «Аѳиняне усвоили себѣ прочно самостоятельный сельскій бытъ; несмотря на политическое объединеніе, все-таки и въ старину, и въ болѣе позднее время, большинство по привычкѣ жило все́мъ домомъ внѣ города»⁵⁷. Эта характеристика Фукидида даетъ почувствовать всю силу клисѳеновской организаціи демовъ. Если Атика сдѣлалась одной изъ самыхъ крупныхъ объединенныхъ общинъ Греціи, благодаря своему старинному синойкизму, скрѣпившему союзъ деревенскихъ общинъ, то Клисѳена можно назвать устроителемъ какъ бы новаго второго синойкизма Атики. Можетъ быть, въ этомъ смыслѣ Клисѳенъ исходилъ отъ нѣкоторой общей политической мысли, распространенной въ іонійскомъ мірѣ, хотя Геродотъ и говоритъ объ его презрѣніи къ іонійцамъ. У того же Геродота есть слѣдующее любопытное извѣстіе о предложеніи, которое сдѣлалъ Фалесъ Милетскій во время завоеванія Іоніи Киромъ въ 40-хъ годахъ VI вѣка: іонійцы должны образовать одно политическое цѣлое; они создадутъ въ центральномъ пунктѣ (городѣ Теосѣ) конгрессъ, или общій совѣтъ (*βουλευτήριον*), а отдѣльныя общины, которыя будутъ посылать делегатовъ, сохранять самоуправленіе все равно, какъ бы онѣ составляли дѣмы⁵⁸. Здѣсь Фалесъ рекомендуетъ объединеніе, пользуясь тѣми самыми терминами, которые обозначаютъ новыя учрежденія въ преобразованной Клисѳеномъ Атикѣ, именно, совѣтъ 500 и самоуправляющіяся волости. Мысль, выраженную въ предложеніи Фалеса и осуществленную въ реформѣ Клисѳена, мы рѣшили бы назвать планомъ *федерациі на демократической основѣ*; она даетъ самое высокое понятіе о политическихъ дарованіяхъ ея инициаторовъ.

Какъ ни важны были политическія организаціи, введенныя Писистратомъ и Клисѳеномъ, но конституцію Аѳинъ, сложившуюся къ 500 году до Р. Х., нельзя назвать демократической въ полномъ смыслѣ этого слова. Оба тирана были только собирателями и устроителями демократическихъ элементовъ аѳинскаго общества; они положили фундаментъ будущей демократіи. Старый совѣтъ на Аренахъ сохранилъ свой прежній авторитетъ; при немъ лишь появилась вторая какъ бы нижняя палата въ лицѣ совѣта 500. Конституція, пожалуй, заслуживаетъ названія смѣшанной; по терминологіи конца V вѣка она была бы *δηλοκρατία ἰσόνομος*, т.-е. политическимъ преобладаніемъ слоя за-

житочнаго гражданства на основѣ общаго равноправія. Впрочемъ понятно поэтому, что въ глазахъ аѳинянъ эпохи Пелопоннесской войны конституція Клизеена казалась консервативной. Еще позже, въ IV вѣкѣ, въ аѳинскомъ обществѣ дѣло Клизеена слилось съ Солоновымъ: уже не умѣли указать различія между Клизееномъ и его предшественникомъ Солономъ; оба они казались авторами патріархальной демократіи, руководимой высококонсервативнымъ Ареопагомъ.

Объединенная Атика и другія общины Греціи. Могущество организованной даровитыми тираннами Атики ярко сказалось въ событіяхъ конца VI вѣка; образованіе большой аѳинской республики сильно почувствовали всѣ общины Греціи, но болѣе другихъ Спарта. Только что включила она въ пелопоннесскій союзъ Мегару и обезпечила себѣ выходъ черезъ Истмъ въ среднюю Грецію, какъ по другую сторону перешейка сложилась воинственная община, съ большимъ сухопутнымъ ополченіемъ, всегда способная загородить пути изъ Пелопоннеса. Ослабленіе въ Атикѣ аристократіи не давало возможности спартанскимъ политикамъ опереться на родственные имъ элементы въ Аѳинахъ, и, слѣд., о сближеніи обѣихъ общинъ, о включеніи Аѳинъ въ пелопоннесскій союзъ не могло быть и рѣчи. Уже теперь, въ концѣ VI вѣка, у Спарты появился очень опасный соперникъ, который опредѣленно шелъ на завоеванія и принудительныя присоединенія.

Въ виду этого понятна и попытка спартанцевъ посадить опять въ Аѳинахъ изгнаннаго ими же Гиппія, т.-е. разжечь междоусобія и ослабить соперника внутренними волненіями. Спартанцы вызвали Гиппія изъ его замка въ Сигеѣ, пригласили делегатовъ союзныхъ общинъ на конгрессъ и изложили здѣсь свое намѣреніе. Они встрѣтили возраженія коринѳянъ. Геродотъ влагаетъ въ уста коринѳскому делегату Созиклу рѣчь, необыкновенно торжественную. «Вотъ ужъ поистинѣ небо и земля помѣняются своими мѣстами, и люди станутъ жить въ морѣ, а рыбы заживутъ, какъ люди, если вы, лакедемоняне, начнете разрушать демократіи (*ισοκρατία*) и вводить въ городахъ тиранновъ, а на свѣтѣ нѣтъ ничего болѣе несправедливаго и отвратительнаго, чѣмъ тираннія. Если вамъ вдругъ показалось, что очень полезно отдать общину въ управленіе тиранну, то введите прежде всего тираннію у себя самихъ, а потомъ ужъ и навязывайте ее другимъ. А то выходитъ, что сами вы не испытали тираннії и принимаете у себя въ Спартѣ строжайшія мѣры противъ возможности ея появленія, а къ подобному же вопросу у союзниковъ относитесь совершенно равнодушно. Будь у васъ тотъ же опытъ, что у насъ, вы бы сумѣли выработать себѣ болѣе правильный взглядъ». Затѣмъ Созиклъ, т.-е. его устами Геродотъ, подробно излагаетъ исторію коринѳскихъ тиранновъ

Кипсела и Періандра, изображая ихъ мрачными и жестокими злодѣями. Въ заключеніе онъ закликаетъ спартацевъ всѣми эллинскими богами не вводити тиранніи ни въ одномъ городѣ ⁵⁹.

Рѣчь Созикла, конечно, прежде всего любопытна для характеристики возрѣвнѣй Геродота и его времени: такъ судили о тиранніи въ средѣ позднѣйшей демократіи, эмансипированной отъ патроновъ, и притомъ въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ легенды, созданной аристократами. Но въ этой рѣчи есть и подлинныя элементы. Въ свое время тиранны поддерживали другъ друга, и потому для аристократіи, правившей въ Коринѣ, была очень непріятна перспектива водворенія тиранна поблизости, въ Аѣнахъ. У аристократіи образовалась своего рода круговая порука, и измѣна Спарты общимъ интересамъ аристократическихъ городовъ угрожала всѣмъ серьезной опасностью. Такъ или иначе попытка Спарты расширить союзъ за предѣлы Истма встрѣтила противодѣйствіе въ средѣ самихъ союзниковъ. Возникавшая вражда между Спартой и Аѣнами была остановлена общей опасностью, надвигавшейся съ востока.

Исторія Спарты и Аѣинъ въ VI столѣтіи вращается еще въ условіяхъ кантональнаго быта, но уже готовится къ крупному размаху событій и къ большимъ организаціямъ V вѣка, гдѣ обѣ эти общины играютъ главную и подавляющую роль. Ни одинъ изъ городовъ, выдвинутыхъ торговлей и колонизаціей, не смогъ создать большое военно-политическое объединеніе; именно, благодаря выѣздамъ и экспедиціямъ, силы промышленныхъ общинъ разсѣивались и дробились вмѣсто того, чтобы сосредоточиваться. Наоборотъ, тѣ двѣ общины, которыя вначалѣ не приняли участія въ торговомъ и колониальномъ движеніи, сплотились въ самыя значительныя политическія тѣла Греціи. Изъ нихъ Спарта такъ и осталась внѣ коммерческаго и морскаго распространенія; ея значеніе основывалось на руководительствѣ центрально-го крупнаго военнаго лагеря. Аѣины, напротивъ, стали потомъ сами во главѣ торговаго развитія греческаго міра, но уже послѣ того, какъ образовался большой союзъ сельскихъ и приморскихъ элементовъ Аттики, который далъ возможность не распылять силъ общины во внѣшнемъ расширеніи.

¹ Плут. биогр. Ликург. 8. ² Оук. V, 68. ³ Гер. I, 65. ⁴ Оук. I, 18. ⁵ Оук. I, 71. Гер. I, 66—7; VI, 52—60. ⁷ (Псевдоксенофонта) Аѣинск. полит. I. ⁸ Оук. I, 6. ⁹ Оук. VII, 18. ¹⁰ Плут. Лик. 9. ¹¹ Ксеноф. Лакед. пол. 4. ¹² Оук. I, 87. ¹³ Гер. V, III, 7—10. ¹⁴ Оук. VIII, 58. ¹⁵ Гер. III, 148. ¹⁶ Оук. I, 131. ¹⁷ Оук. V, 63. ¹⁸ Тамъ же 66. ¹⁹ Тамъ же 70—73. ²⁰ Grundy Thukydides and his age 1909, p. 215. ²¹ Гер. V, 50. ²² Полибій IV, 73. ²³ Аристотель Политика VI, 2. ²⁴ Оук. V, 31. ²⁵ Оук. I, 141.

26 Гер. I, 69. 27 Гер. V, 71. 28 Гер. I, 59. 29 Плут. Сол. 13. 30 Арист. Аони. пол. 2.
31 Плут. Солон. 15. 32 Арист. Ао. пол. 7; Плут. Сол. 18. 33 Платон. Полит. VII, 545 BC
и 549 B. 34 Арист. Ао. пол. 9. 35 Плут. Сол. 15. 36 Арист. Ао. пол. 9. 37 Гер. V, 66.
38 Арист. Политика II, 9 (12). 39 Оук. VIII, 97. 40 Проф. В. П. Бузескулъ въ Исторіи
аонской демократіи 1909, стр. 44, повторяетъ свое мнѣніе, высказанное уже раньше
(въ книгѣ объ Аонской политіи Аристотеля), именно, что глава о конституціи Дра-
конта есть позднѣйшая вставка въ трактатъ Аристотеля и что т. о. самъ Аристо-
тель не виноватъ въ противорѣчии относительно дѣятельности Драконта. 41 Арист.
Ао. пол. 47. 42 Оук. VIII, 92. 43 Арист. Ао. пол. 26. 44 Тамъ же 7. 45 Тамъ же 6 и 12.
46 Плут. Сол. 19—24. 47 Гер. I, 64; VI, 35—39. 48 Оук. VI, 54. 49 Тамъ же 55. 50 Гер.
VI, 62—63. 51 Гер. V, 69 слѣд.; Арист. Ао. пол. 20—22. 52 Клисеновы филы, триттин
и демы восстановлены благодаря взаимно дополняющимъ другъ друга работамъ двухъ
ученыхъ: Milchhöfer Untersuch. ü. d. Demenordnung d. Kleisthenes въ Abh. Berl. Akad.
Wiss. 1892 Anhang и Löper D. Trittyen u. Demen Attikas въ Mitt. d. deutsch. Arch.
Inst. Athen. Abth. 17 (1892). 53 Арист. Аони. пол. 21. 54 Гер. V, 69. 55 Тамъ же 73.
56 Тамъ же 78. 57 Оук. II, 14—15. 58 Гер. I, 170. 59 Гер. V, 91—93.